

813

—

Морис Леблан

Я Р К И Е С Т Р А Н И Ц Ы

Морис Леблан

813

Серия «Арсен Люпен», книга 4

Серия «Яркие страницы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69311851

813: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-188564-9

Аннотация

Мастер детективно-приключенческого жанра Морис Леблан (1864–1941) с детства мечтал быть писателем, но сначала ему пришлось поработать на фабрике текстильного оборудования, после изучать право, заниматься журналистикой, и только потом – войти в избранный литературный круг. Известность к Леблану пришла после публикации рассказа «Арест Арсена Люпена», написанного по заказу парижского издателя. Прототипом героя был анархист Мариус Жакоб, «благородный грабитель», совершавший кражи только у «социальных паразитов» – духовенства, судей, банкиров – и использовавший весьма остроумные приемы.

Арсен Люпен – благородный, обаятельный грабитель. Люпен блестяще раскрывает запутанные преступления, мастерски

крадет драгоценности, оставляя полицию в дураках, и даже соперничает со знаменитым сыщиком с Бейкер-стрит.

В «813» мы встречаем непривычного нам Люпена, темного, почти пугающего. Столкнувшись с макиавеллистским и невидимым антагонистом «Л. М.», ему придется очистить свое имя от гнусных обвинений в преступлениях. А для этого найти пачку писем взрывоопасного политического содержания и расшифровать значение загадочных цифр «813», разгадка которых может привести к тяжелым последствиям для всей Европы.

Содержание

Двойная жизнь Арсена Люпена	6
Резня	6
Господин Ленорман начинает действовать	65
Князь Сернин за работой	89
Господин Ленорман за работой	135
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Морис Леблан

813

Marie Émile Maurice Leblanc

813: La double vie d'Arsène Lupin» et «Les trois crimes d'Arsène Lupin»

© Световидова Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Двойная жизнь Арсена Люпена

Резня

I

Господин Кессельбах замер на пороге гостиной и, схватив за руку своего секретаря, встревоженно прошептал:

– Шапман, здесь опять *кто-то* побывал.

– Да будет вам, сударь, – возразил секретарь, – вы только что сами открыли дверь прихожей, и пока мы завтракали в ресторане, ключ лежал у вас в кармане.

– Шапман, здесь опять *кто-то* побывал, – повторил господин Кессельбах.

Он указал на дорожную сумку, лежавшую на камине.

– Взгляните, вот доказательство. Эта сумка была закрыта. А теперь уже нет.

– Вы в этом уверены, сударь? – спросил Шапман. – Впрочем, в этой сумке нет ничего, кроме никчемных безделушек, туалетных принадлежностей...

– Это потому, что перед уходом я вынул оттуда свой бумажник, из предосторожности... Иначе... Нет, уверяю вас,

Шапман, *кто-то* проник сюда, пока мы завтракали.

На стене висел телефонный аппарат. Он снял трубку.

– Алло!.. Это господин Кессельбах... Апартамент четыреста пятнадцать... Да... Мадемуазель, будьте любезны, соедините меня с полицейской префектурой... Служба безопасности... Вам ведь не нужен номер? Хорошо... Спасибо... Жду у аппарата.

Через минуту он продолжал:

– Алло! Алло! Я хотел бы сказать несколько слов господину Ленорману, начальнику Уголовной полиции. Я звоню с его разрешения... А-а, его нет на месте... С кем я имею честь говорить? Господин Гурель, инспектор полиции... Но мне кажется, господин Гурель, что вчера вы присутствовали на моей встрече с господином Ленорманом... Так вот, сударь, то же самое повторилось сегодня. Кто-то проник в апартамент, который я занимаю. И если вы приедете сейчас же, то, возможно, на основании улики сможете обнаружить... Через час или через два? Прекрасно. Попросите провести вас в апартамент четыреста пятнадцать. Еще раз спасибо.

Будучи проездом в Париже, Рудольф Кессельбах, алмазный король, как его называли, – или, согласно другому прозвищу, Хозяин Мыса, – мультимиллионер Рудольф Кессельбах (его состояние оценивали в более чем сто миллионов) в течение недели занимал на пятом этаже «Палас-отеля» апартамент 415, состоявший из трех комнат, из которых две самые большие – гостиная и спальня – располагались справа

и выходили окнами на проспект, а другая, слева, предназначавшаяся секретарю Шапману, – на улицу Жюде.

Еще пять комнат рядом были зарезервированы для госпожи Кессельбах, которая должна была покинуть Монте-Карло, где находилась в настоящее время, и присоединиться к своему мужу по первому его знаку.

В течение нескольких минут Рудольф Кессельбах расхаживал с озабоченным видом. Это был мужчина высокого роста, еще не старый, с хорошим цветом лица. Задумчивые глаза, нежная голубизна которых просвечивала сквозь очки в золотой оправе, придавали ему выражение мягкости и робости, контрастировавшее с энергией квадратного лба и упрямой челюстью.

Кессельбах подошел к окну: оно было закрыто. Впрочем, отсюда в комнату проникнуть невозможно. Отдельный балкон, окружавший апартament, обрывался справа, а от балконов, выходивших на улицу Жюде, его отделяла каменная стена.

Кессельбах прошел в свою комнату: она никак не сообщалась с соседними. Он заглянул в комнату своего секретаря: дверь, ведущая в пять комнат, зарезервированных для госпожи Кессельбах, была заперта, а засов – задвинут.

– Я ничего не понимаю, Шапман, вот уже несколько раз я замечаю здесь вещи... признайте, странные вещи. Вчера моя трость, которую переставили... Позавчера кто-то, безусловно, прикасался к моим бумагам... Но как такое возможно?

– Это невозможно, сударь! – воскликнул Шапман, чье безмятежное лицо честного человека не выразило ни малейшего беспокойства. – Вы просто предполагаете, вот и все... у вас нет никаких доказательств... одни лишь эмоции... К тому же проникнуть в этот апартамент можно только из прихожей. А вы в день своего приезда велели сделать специальный ключ, и лишь у вашего слуги Эдварда есть дубликат. Вы доверяете Эдварду?

– Черт возьми!.. Он уже десять лет у меня служит... Однако Эдвард завтракает в то же время, что и мы, а зря. Отныне он должен будет выходить только после нашего возвращения.

Шапман слегка пожал плечами. Несомненно, Хозяин Мыса со своими необъяснимыми страхами вел себя немного странно. Какому риску можно подвергнуться в отеле, особенно если не держишь на себе или около себя никаких ценностей, никакой крупной суммы?

Они услышали, как открывается дверь прихожей. Это был Эдвард.

Господин Кессельбах окликнул его.

– Вы в ливрее, Эдвард? Прекрасно! Я никого сегодня не жду, Эдвард... точнее, будет один визит, господина Гуреля. До тех пор оставайтесь в прихожей и следите за дверью. Нам с господином Шапманом предстоит серьезно поработать.

Серьезная работа продолжалась несколько минут, в течение которых господин Кессельбах изучил свою почту, про-

смотрел три или четыре письма и указал, что надо ответить. Но тут вдруг Шапман, который сидел с пером наготове, заметил, что господин Кессельбах думает о чем-то другом, а не о письмах.

Он держал между пальцев черную булавку, изогнутую в виде рыболовного крючка, и внимательно рассматривал ее.

– Шапман, – сказал он, – посмотрите, что я нашел на столе. Очевидно, она что-то означает, эта изогнутая булавка. Вот она, улика, вещественное доказательство. И вы не можете больше утверждать, что в эту гостиную никто не проникал. Ибо, в конце-то концов, не могла же эта булавка появиться здесь сама по себе.

– Разумеется, нет, – отвечал секретарь, – она тут появилась благодаря мне.

– Как это?

– Булавка прикрепляла к воротничку мой галстук. Вчера вечером я снял ее и машинально сгибал, пока вы читали.

– Вам наверняка смешно, Шапман... и вы правы... Я не спорю, пожалуй... после моей последней поездки на Мыс я стал немного странным. Дело в том, что... Вы не знаете, но в моей жизни есть кое-что новое... потрясающий проект... вещь невероятная... которую я лишь угадываю в тумане будущего, но которая, однако, вырисовывается... и это будет грандиозно... Ах, Шапман, вы представить себе не можете. Деньги, мне плевать на них, у меня они есть... их слишком много... Но это, это больше, чем деньги, это могущество, си-

ла, власть. Если действительность соответствует тому, что я предчувствую, то я стану не только Хозяином Мыса, но и хозяином других царств... Рудольф Кессельбах, сын аугсбургского жестянщика, ничем не будет уступать людям, которые до сих пор относились к нему свысока... Он даже будет превосходить их, Шапман, он будет превосходить их, будьте уверены... и если когда-нибудь...

Умолкнув, он взглянул на Шапмана, словно пожалев, что сказал слишком много, но, увлеченный своим порывом, все-таки добавил:

– Поймите, Шапман, причины моей тревоги... Тут, в моей голове, есть идея, которая дорогого стоит... и об этой идее, возможно, подозревают... и меня выслеживают... я в этом уверен...

Раздался звонок.

– Телефон, – сказал Шапман.

– А не будет ли это, случаем... – прошептал господин Кессельбах.

Он взял трубку.

– Алло?... Кто? Полковник?... А-а! Ладно, да, это я... Есть новости?... Отлично... В таком случае я вас жду... Вы придете со своими людьми? Отлично... Алло! Нет, нам не помешают... я дам необходимые распоряжения... Значит, это настолько серьезно?... Повторяю вам, запрет будет категорическим... мой секретарь и мой слуга будут сторожить дверь, и никто не войдет. Вы знаете дорогу, не так ли? Тогда не те-

рывают ни минуты.

Повесив трубку, он тут же обратился к секретарю:

– Шапман, должны прийти два господина... Да, два господина... Эдвард приведет их...

– Но... Господин Гурель... сержант...

– Он придет позже, через час. И к тому же ничего страшного, если они встретятся. Велите Эдварду немедленно пойти к управляющему и предупредить о том, что меня ни для кого нет... кроме полковника с его другом и господина Гуреля. Пусть запишут имена.

Шапман исполнил приказание. Вернувшись, он увидел, что господин Кессельбах держит в руке футляр, или, точнее, черный сафьяновый футлярчик, судя по виду – пустой. Кажется, господин Кессельбах колеблется, словно не зная, что с ним делать. Положить его в свой карман или куда-то еще?

Наконец, он подошел к камину и бросил кожаный футляр в свою дорожную сумку.

– Покончим с почтой, Шапман. У нас десять минут. Ах, письмо от госпожи Кессельбах! Как случилось, что вы не сообщили мне о нем, Шапман? Вы что, не узнали почерк?

Он не скрывал волнения, которое испытывал, касаясь этого листка бумаги – жена держала его в своих руках, он хранит ее тайные мысли. Господин Кессельбах вдохнул его аромат и, распечатав, вполголоса прочитал сообщение, так что Шапман слышал обрывки:

– «Немного устала... Я не выхожу из своей комнаты... я

скачаю... Когда я смогу присоединиться к вам? С нетерпением жду вашей телеграммы...»

– Вы телеграфировали сегодня утром, Шапман? Значит, госпожа Кессельбах будет здесь в среду. Завтра.

Господин Кессельбах казался обрадованным, словно тяжесть его дел внезапно стала легче и он избавился от всякой тревоги. Он потер руки и с облегчением вздохнул, как человек сильный, уверенный в успехе, как счастливый человек, который владел счастьем и был в состоянии защитить себя.

– Звонят, Шапман, звонили в прихожей. Пойдите, посмотрите.

Но вошел Эдвард, сказав:

– Двое господ ожидают господина. Это...

– Я знаю. Они там, в прихожей?

– Да, господин.

– Заприте снова дверь в прихожую и больше не открывайте... Исключение нужно будет сделать только для господина Гуреля, инспектора Уголовной полиции. А вы, Шапман, ступайте к этим господам и скажите им, что сначала я хотел бы поговорить с полковником, с ним одним.

Эдвард и Шапман вышли, закрыв за собой дверь в гостиную. Рудольф Кессельбах направился к окну и прислонился к стеклу лбом.

Там, снаружи, экипажи и автомобили катили по двум параллельным дорожкам, которые разделяла двойная линия безопасности. В лучах весеннего солнца сверкали медь и

лак. На деревьях появлялась первая зелень, и почки каштанов начинали раскрывать свои листики.

– Какого черта там делает Шапман? – прошептал Кессельбах. – Почему так долго?..

Он взял со стола сигарету и, закулив, несколько раз затянулся. Но тут вдруг у него вырвался слабый крик. Рядом с ним стоял незнакомец.

Господин Кессельбах на шаг отступил.

– Кто вы?

Мужчина – он был прилично, скорее даже элегантно одет, с черными волосами и усами, с жестким взглядом – усмехнулся:

– Кто я? Ну конечно, полковник...

– Да нет, тот, кого я так называю, тот, кто пишет мне под этим именем... по договоренности... это не вы.

– Я, я... А тот был всего лишь... Послушайте, любезный господин, все это не имеет никакого значения. Главное, чтобы я был... я. И клянусь вам, что так оно и есть.

– Но позвольте, сударь, ваше имя?

– Полковник... до нового распоряжения.

Господина Кессельбаха охватывал всевозрастающий страх. Кем был этот человек? Что ему было нужно?

Он позвал:

– Шапман!

– Что за странная идея кого-то звать! Моего общества вам недостаточно?

– Шапман! – повторил Кессельбах. – Шапман! Эдвард!

– Шапман! Эдвард! – произнес в свою очередь незнакомец. – Чем вы там заняты, друзья? Вас требуют.

– Сударь, я прошу вас, я приказываю вам пропустить меня.

– Но, любезный господин, кто вам в этом мешает?

Мужчина вежливо отстранился. Господин Кессельбах подошел к двери, открыл ее и сразу отскочил назад. Там находился другой незнакомец с пистолетом в руке.

Кессельбах пробормотал:

– Эдвард... Шап...

Он замолчал, увидев в углу прихожей своего секретаря и слугу – те лежали рядом связанные, с кляпом во рту.

Несмотря на свою беспокойную, впечатлительную натуру, Кессельбах был отважен, и ощущение определенной опасности, вместо того чтобы сразить его, вернуло ему и силы, и энергию.

По-прежнему изображая ошолобление и ужас, он осторожно отступил к камину и прижался к стене. Палец его искал электрический звонок. Нашел его и с усилием нажал на кнопку.

– И что дальше? – произнес незнакомец.

Не отвечая, господин Кессельбах продолжал жать на кнопку.

– И что дальше? Вы надеетесь, что кто-то придет? Или весь отель всполошится из-за того, что вы жмете на кнопку

звонка?.. Но, бедный мой господин, обернитесь, и вы увидите, что провод перерезан.

Господин Кессельбах живо обернулся, будто желая в этом удостовериться, а на самом деле молниеносным движением завладел дорожной сумкой, запустил в нее руку, выхватил револьвер, направил его на мужчину и спустил курок.

– Черт возьми, – произнес тот, – так вы заряжаете свое оружие воздухом и отсутствием звука?

Курок щелкнул второй раз, потом третий, выстрела не последовало.

– Еще три выстрела, король Мыса. Я не успокоюсь, пока не получу все шесть пуль в свою шкуру. Как! Вы отказываетесь? Жаль... мишень была завидная!

Схватив за спинку стул, незнакомец повертел его и уселся на нем верхом, указав господину Кессельбаху на кресло:

– Соблаговолите сесть, любезный господин, и почувствуйте себя как дома. Сигарету? Лично мне не надо. Я предпочитаю сигары.

На столе как раз стояла коробка с сигарами. Он выбрал “Urmanн” светлого табака хорошей обработки и, закулив ее, поклонился:

– Благодарю вас. Сигара восхитительная. А теперь побеседуем, вы не против?

Рудольф Кессельбах с изумлением слушал. Кто этот странный тип? Глядя на него, столь миролюбивого и разговорчивого, он понемногу успокаивался и начинал верить,

что ситуация сможет разрешиться без насилия и грубости. Он достал из кармана бумажник, открыл его, вынул внушительную пачку банкнот и спросил:

– Сколько?

Гость с ошеломленным видом взглянул на него, словно с трудом понимая. Потом, через несколько мгновений позвал:

– Марко!

Вошел мужчина с пистолетом.

– Марко, господин любезно предлагает взять несколько таких бумажек для твоей подружки. Бери, Марко.

Держа нацеленный пистолет в правой руке, Марко протянул левую руку, взял банкноты и удалился.

– Уладив этот вопрос согласно вашему желанию, – продолжал незнакомец, – приступим к цели моего визита. Я буду краток и точен. Мне нужны две вещи. Прежде всего, футлярчик черного сафьяна, который вы обычно носите на себе. Затем эбеновая шкатулка, которая еще вчера находилась в дорожной сумке. Начнем по порядку. Сафьяновый футляр?

– Я его сжег.

Незнакомец нахмурился. Должно быть, ему вспомнились славные времена, когда существовали безотказные способы заставить говорить тех, кто не желал этого делать.

– Ладно. Проверим это. А эбеновая шкатулка?

– Сожжена.

– А-а! – проворчал гость. – Вы издеваетесь надо мной, милый человек.

Незнакомец безжалостно вывернул господину Кессельбаху руку.

– Вчера, Рудольф Кессельбах, вчера вы вошли в «Лионский кредит» на бульваре Итальянцев, спрятав под своим плащом сверток. Вы арендовали сейф... Уточним: сейф номер шестнадцать, ряд девятый. Расписавшись и заплатив, вы спустились в подвал, а когда вернулись, свертка при вас не было. Это верно?

– Абсолютно.

– Итак, шкатулка и футляр в банке.

– Нет.

– Отдайте мне ключ от вашего сейфа.

– Нет.

– Марко!

Прибежал Марко.

– Приступай, Марко. Четвертной узел.

Не успев хоть как-то защититься, Рудольф Кессельбах оказался опутан веревками, которые больно сдавили его тело, едва он собрался отбиться. Руки его были стянуты за спиной, торс привязан к креслу, а ноги спеленуты, словно у какой-нибудь мумии.

– Ищи, Марко.

Через две минуты недолгих поисков Марко вручил своему шефу плоский никелированный ключик с номерами 16 и 9.

– Прекрасно. Сафьянового футляра нет?

– Нет, патрон.

– Он в сейфе. Господин Кессельбах, сообразоволяте на-
звать мне тайный шифр.

– Нет.

– Вы отказываетесь?

– Да.

– Марко?

– Патрон?

– Приложи дуло твоего револьвера к виску господина.

– Готово.

– Положи палец на курок.

– Готово.

– Ну что, старина Кессельбах, ты решился заговорить?

– Нет.

– У тебя десять секунд и ни одной больше. Марко?

– Патрон?

– Через десять секунд ты вышибешь мозги господину.

– Понял.

– Кессельбах, я считаю: одна, две, три, четыре, пять,
шесть...

Рудольф Кессельбах подал знак.

– Ты хочешь что-то сказать?

– Да.

– Самое время. Итак, шифр... ключевое слово.

– Долор.

– Долор... Госпожа Кессельбах зовется Долорес? Ступай,

дорогой... Марко, ты сделаешь, о чем условились... Не ошибись, слышишь? Я повторяю... Ты присоединишься к Жерому, сам знаешь где, отдашь ему ключ и скажешь нужное слово: Долор. Вместе вы отправитесь в банк «Лионский кредит». Жером войдет один, зарегистрирует свою личность, спустится в подвал и унесет все, что находится в сейфе. Понял?

– Да, патрон. Но если, случаем, сейф не откроется, если слово «Долор»...

– Замолчи, Марко. Выйдя из банка, ты оставишь Жерома, вернешься к себе и позвонишь мне, чтобы сообщить о результатах операции. Если, случаем, слово «Долор» не откроет сейф, у нас с моим другом Кессельбахом состоится последний разговор. Кессельбах, ты уверен, что не ошибся?

– Да.

– Иначе ты заплатишься за наш напрасный труд. Посмотрим. Ступай, Марко.

– А вы, патрон?

– Я остаюсь. О, ничего не бойся. Никогда еще я не был в такой безопасности. Не так ли, Кессельбах, предписание категорично?

– Да.

– Черт, ты так поспешно говоришь это. А не хочешь ли ты выиграть время? И тогда я, как идиот, окажусь в ловушке...

Он в задумчивости посмотрел на своего пленника и пришел к заключению:

– Нет... Это невозможно... Нас не побеспокоят.

Не успел он закончить фразу, как в прихожей раздался звонок. Он с силой зажал рукой рот Кессельбаха.

– А-а, старый лис, ты кого-то ждал!

В глазах пленника вспыхнула надежда.

Из-под душившей его руки послышался смех.

– Молчи... иначе я задушу тебя. Заткни ему рот кляпом, Марко. Живее... Хорошо.

Снова раздался звонок. Незнакомец крикнул, словно это он был Рудольфом Кессельбахом и словно Эдвард все еще находился на месте:

– Откройте же, Эдвард.

Затем он тихонько прошел в прихожую и, показав на секретаря и слугу, произнес шепотом:

– Марко, помоги мне переместить их в спальню... вот так... чтобы никто не видел.

Он поднял секретаря, Марко унес слугу.

– Хорошо, теперь возвращайся в гостиную.

Гость и сам последовал за ним и тотчас же, вернувшись в прихожую, громко, с удивлением произнес:

– Но вашего слуги здесь нет, господин Кессельбах... Нет, не беспокойтесь... заканчивайте ваше письмо... Я сам открою.

И он спокойно открыл входную дверь.

– Господин Кессельбах... это здесь? – обратились к нему.

Перед ним стоял чуть ли не великан с широким радост-

ным лицом и бойким взглядом, переминавшийся с ноги на ногу и теребивший в руках края своей шляпы.

– Да, здесь, – подтвердил незнакомец. – О ком я должен доложить?

– Звонил господин Кессельбах... Он ждет меня.

– Ах, это вы!.. Я предупрежу... Не могли бы вы подождать минутку?.. Сейчас господин Кессельбах поговорит с вами.

Он имел смелость оставить посетителя на пороге, там, откуда через открытую дверь можно было видеть часть гостиной. И медленно, даже не обернувшись, присоединился к своему сообщнику возле господина Кессельбаха, сказав только:

– Мы пропали. Это Гурель из Уголовной полиции.

Сообщник схватился за нож. Незнакомец взял его за руку:

– Эй, без глупостей! У меня идея. Ради Бога, пойми меня хорошенько и говори, в свою очередь... Говори так, *будто ты и есть Кессельбах*... Слышишь, Марко, ты – Кессельбах.

Он изъяснялся с таким хладнокровием и таким непрерываемым авторитетом, что Марко понял без дополнительных разъяснений, что должен играть роль Кессельбаха, и произнес так, чтобы быть услышанным:

– Вы извините меня, дорогой. Скажите господину Гурелю, что я сожалею, но сейчас я очень занят... Я приму его завтра утром в девять часов, да, ровно в девять часов.

– Хорошо, – шепнул незнакомец, – не двигайся.

Он вернулся в прихожую. Гурель ждал.

– Господин Кессельбах извиняется. Он заканчивает важную работу. Не сможете ли вы прийти завтра утром, в девять часов?

Наступило молчание. Гурель казался удивленным и слегка обеспокоенным. Кулак незнакомца судорожно сжался в глубине кармана. Один неосторожный жест, и он готов был нанести удар.

Наконец Гурель произнес:

– Ладно... Завтра, в девять часов... Однако все-таки... Хорошо, да, в девять часов я буду здесь.

И он, надев шляпу, удалился.

В гостиной Марко разразился смехом.

– Чертовски здорово, патрон. А-а, как вы его одурачили!

– Поторопись, Марко, беги за ним! Если он выйдет из отеля, оставь его, встретишься с Жеромом, как договорились... И позвони.

Марко поспешил прочь.

Тогда мужчина схватил графин, стоявший на камине, налил себе полный стакан воды и залпом выпил его, а потом, смочив свой носовой платок, вытер покрывшийся потом лоб, сел подле своего пленника и с подчеркнутой вежливостью обратился к нему:

– И все-таки, господин Кессельбах, я должен иметь честь представиться вам.

Он извлек из кармана визитную карточку и произнес:

– Арсен Люпен, джентльмен-взломщик.

II

Казалось, имя знаменитого авантюриста произвело на господина Кессельбаха наилучшее впечатление. Не преминув заметить это, Люпен воскликнул:

– А-а! А-а, любезный господин, вы вздохнули с облегчением! Арсен Люпен – деликатный грабитель. Кровь ему претит, он никогда не совершал преступлений, лишь завладевал чужим имуществом... а это мелкий проступок! И вы говорите себе, что он не станет отягощать свою совесть бесполезным убийством. Согласен... Но будет ли бесполезным ваше устранение? Все дело в этом. В данную минуту, клянусь вам, я не шучу. Итак, начнем, пожалуй, приятель.

Он подвинул свой стул к креслу, освободил пленника от кляпа и продолжил:

– Господин Кессельбах, в день своего приезда ты вступил в отношения с неким Барбарё, директором агентства секретной информации, и поскольку ты действовал без ведома твоего секретаря Шапмана, господин Барбарё, связываясь с тобой письменно или по телефону, назывался «Полковником». Спешу заверить тебя, Барбарё – честнейший человек в мире. Но мне повезло иметь в числе его служащих моих лучших друзей. Таким вот образом я и узнал причину твоего обращения к Барбарё, это заставило меня заняться тобой и, благодаря поддельным ключам, произвести у тебя несколь-

ко обысков... во время которых, увы, я не нашел того, чего хотел.

Он понизил голос и, пристально глядя в глаза своего пленника, пытаясь проникнуть в его тайную мысль, произнес:

– Господин Кессельбах, ты поручил Барбарё отыскать на дне парижского общества некоего человека, который носит или носил имя Пьера Ледюка, и вот его примерное описание: рост метр семьдесят пять, светловолосый, с усами. Особая примета: вследствие одной раны кончик мизинца на левой руке отрублен. Кроме того, имеется почти незаметный шрам на правой щеке. Похоже, обнаружению этого человека ты придаешь огромное значение, словно это может принести тебе значительную выгоду. Кто этот человек?

– Я не знаю.

Ответ был категорический, безоговорочный. Знал он или не знал? Не имело значения. Главное, что он принял решение молчать.

– Ладно, – сказал его противник, – но известны ли тебе какие-либо сведения о нем, более подробные, чем те, которые ты сообщил Барбарё?

– Никаких.

– Ты лжешь, господин Кессельбах. Дважды в присутствии Барбарё ты сверялся с бумагами, хранившимися в сафьяновом футляре.

– Действительно.

– Так где этот футляр?

– Сожжен.

Люпен задрожал от ярости. Разумеется, мысль о пытке и о тех удобствах, которые она предполагает, снова пришла ему в голову.

– Сожжен? Но шкатулка... признайся... признайся же, что она в «Лионском кредите»?

– Да.

– И что в ней находится?

– Двести прекраснейших алмазов из моей личной коллекции.

Эта новость, казалось, понравилась авантюристу.

– Ах, так! Двести прекраснейших алмазов! Но послушай, это же целое состояние... Да, у тебя это вызывает улыбку... Для тебя это пустяки. И твой секрет стоит большего... Для тебя – да, но для меня?..

Он взял сигару, зажег спичку, которую машинально погасил, и на некоторое время застыл в задумчивости.

Проходили минуты.

Люпен рассмеялся.

– Ты наверняка надеешься, что экспедиция не удастся и сейф не откроют? Возможно, старина. Но в таком случае придется заплатить за мое беспокойство. Я явился сюда не для того, чтобы посмотреть на выражение твоего лица в этом кресле... Алмазы, раз уж есть алмазы... Или сафьяновый футляр... Таков выбор...

Он взглянул на часы.

– Полчаса... Черт возьми!.. Судьба упрямится... Однако не радуйся, господин Кессельбах. Слово честного человека, я не уйду ни с чем...

Раздался телефонный звонок.

– Наконец-то!

Люпен поспешно схватил трубку и, изменив тембр голоса, изобразил резкие интонации своего пленника:

– Да, это я, Рудольф Кессельбах... Ах, так, мадемуазель, соедините меня... Это ты, Марко?.. Прекрасно... Все прошло хорошо?.. В добрый час... Никаких осложнений? Поздравляю, мой мальчик. Что удалось заполучить? Эбеновую шкатулку... Ничего другого? Никаких бумаг? Так, так! А в шкатулке?.. Они красивые, эти алмазы? Прекрасно... прекрасно... Минутку, Марко, дай мне подумать. Все это, видишь ли... Если я скажу тебе мое мнение... погоди, не двигайся... оставайся у аппарата...

Он повернулся к пленнику:

– Господин Кессельбах, ты дорожишь своими алмазами?

– Да.

– Ты выкупишь их у меня?

– Возможно.

– Сколько? Пятьсот тысяч?

– Пятьсот тысяч... да...

– Только вот в чем загвоздка. Как произойдет обмен? Чек? Нет, ты меня проведешь... или я тебя проведу. Послушай, послезавтра утром приходи в «Лионский кредит», возъ-

ми свои пятьсот тысяч и ступай прогуляться в Булонский лес, возле Отёй... У меня будут алмазы... в сумке, так удобнее. Шкатулка чересчур заметна...

– Нет... нет... шкатулка... я хочу все...

– А-а! – молвил Люпен, рассмеявшись. – Попался! Тебе плевать на алмазы... Их легко заменить. Но шкатулка, ты дорожишь ею, как своей шкурой. Ну что ж, ты ее получишь, свою шкатулку... слово Арсена! Ты получишь ее завтра утром почтовой посылкой!

Он снова взял трубку.

– Марко, шкатулка у тебя перед глазами?.. Что в ней особенного? Эбеновое дерево, инкрустированное слоновой костью... да, я это знаю... японский стиль предместья Сент-Антуан... Никакой марки? А-а, круглая этикетка, окаймленная синим, и есть номер... да, коммерческий знак... Неважно. А дно шкатулки, оно толстое? Черт возьми! Значит, никакого двойного дна. Послушай, Марко, изучи инкрустации из слоновой кости наверху... или, вернее, нет, крышку.

Он не скрывал своей радости.

– Крышка, вот что, Марко! Кессельбах вздрогнул... Мы у цели!.. Ах, старина Кессельбах, ты разве не понял, что я направляю тебя? Пропавший недотепа!

Вернувшись к Марко, он продолжал:

– Ну что там у тебя? Внутри крышки зеркало?.. Оно скользит?.. Есть пазы? Нет... тогда разбей его... Ну да, говорю тебе, разбей его! Это зеркало тут ни к чему... его до-

бавили.

Он вышел из терпения:

– Не вмешивайся, дурак, в то, что тебя не касается... Слушай, что тебе говорят.

Должно быть, он услышал шум на другом конце провода, когда Марко разбивал зеркало, ибо торжествующе воскликнул:

– Разве я не говорил тебе, господин Кессельбах, что охота будет удачной?... Алло? Все в порядке? Ну что там? Письмо? Победа! Все алмазы с Мыса и секрет нашего голубчика!

Он снял вторую трубку, старательно приложил обе к своим ушам и продолжал:

– Читай, Марко, читай, не торопясь... Сначала конверт... Хорошо. Теперь повтори.

И сам повторил:

– Копия письма, находящегося в черном сафьяновом футляре.

А дальше? Разорви конверт, Марко. Вы позволите, господин Кессельбах? Это не слишком прилично, но что поделаешь... Давай, Марко, господин Кессельбах разрешает тебе. Готово? Тогда читай.

Выслушав, он усмехнулся:

– Черт возьми! Это неубедительно. Ладно, подведем итоги. Простой листок бумаги, сложенный вчетверо, сгибы выглядят свежими... Хорошо. Вверху справа такие слова: *метр семьдесят пять, левый мизинец отрублен* и так далее. Да,

это приметы господина Пьера Ледюка. Почерк Кессельбаха, верно?... Хорошо... Посреди листка слово заглавными печатными буквами:

АПООН

– Марко, малыш, ты оставишь бумагу в покое, не прикасайся ни к шкатулке, ни к алмазам. Через десять минут я закончу с моим голубчиком. Через двадцать минут я буду с тобой... Да, кстати, ты отправил мне машину? Прекрасно. До скорого.

Он поставил телефонный аппарат на место, прошел в прихожую, затем в спальню, удостоверился, что секретарь и слуга не освободились от пут, но что при этом не задохнутся с кляпами во рту, и вернулся к пленнику.

Выражение лица у него было решительное, неумолимое.

– Шутки в сторону, Кессельбах. Если не заговоришь, тем хуже для тебя. Ты решился?

– На что?

– Довольно глупостей. Говори, что тебе известно.

– Ничего.

– Ты лжешь. Что означает слово «Апоон»?

– Если бы я знал, то не записал бы его.

– Ладно, но к кому или к чему оно относится? Откуда ты его взял? Откуда у тебя все это?

Господин Кессельбах не ответил.

Люпен продолжал, более нервно, более отрывисто:

– Послушай, Кессельбах, я сделаю тебе предложение. Ка-

ким бы богатым и важным ты ни был, между тобой и мной нет большой разницы. Сын аугсбургского жестянщика и Арсен Люпен, принц взломщиков, могут сговориться без стыда и для одного, и для другого. Я краду в квартирах, ты в кошельках. Это одно и то же. Так вот, Кессельбах. Давай объединимся в этом деле. Я нуждаюсь в тебе, потому что не знаю сути дела. Ты нуждаешься во мне, потому что в одиночку тебе не справиться. Барбарё простачок. А я – Арсен Люпен. Идет?

Молчание. Люпен настаивал дрожащим голосом:

– Отвечай, Кессельбах, идет? Если да, то за сорок восемь часов я тебе его найду, твоего Пьера Ледюка. Ведь речь идет о нем, а? В этом все дело? Да отвечай же! Что это за тип? Зачем ты его разыскиваешь? Что тебе о нем известно? Я хочу знать.

Внезапно он успокоился, положил руку на плечо немца и сухо сказал:

– Одно лишь слово. Да... или нет.

– Нет.

Люпен достал из жилетного кармана Кессельбаха великолепные золотые часы и положил их на колени пленника.

Расстегнув жилет Кессельбаха, он раздвинул рубашку, обнажил его грудь и, схватив лежавший подле него на столе стальной стилет с оправленной золотом рукояткой, приложил острие к месту, где биение сердца заставляло трепетать обнаженную плоть.

– В последний раз?

– Нет.

– Господин Кессельбах, сейчас без восьми минут три. Если через восемь минут не ответите, вы – покойник.

III

На следующее утро, точно в назначенный ему час, инспектор Гурель явился в «Палас-отель». Не останавливаясь и не дожидаясь лифта, он поднялся по лестнице. На четвертом этаже свернул направо, проследовал по коридору и, подойдя к номеру 415, стал звонить в дверь.

Не услышав в ответ ни звука, он позвонил снова. После полдюжины бесплодных попыток он направился к метрдотелю.

– Будьте любезны, мне нужен господин Кессельбах... Я уже раз десять звонил в его дверь.

– Господин Кессельбах не ночевал здесь. Мы не видели его со вчерашнего дня.

– А его слуга, его секретарь?

– Их мы тоже не видели.

– В таком случае они тоже не ночевали в отеле?

– Вероятно.

– Вероятно! Но вы должны быть уверены.

– Почему? Господин Кессельбах не постоялец отеля, он проживает в своих частных апартаментах. Его обслуживаем

не мы, а его слуга, и мы ничего не знаем о том, что у него происходит.

– В самом деле... В самом деле...

Гурель, похоже, был сильно озадачен. Он пришел с точными указаниями, с определенным заданием, в рамках которого мог действовать. За пределами этих рамок он не знал, что ему делать.

– Если бы шеф был здесь... – прошептал он, – если бы шеф был здесь...

Он показал свое удостоверение и назвал свою должность. Потом на всякий случай спросил:

– Значит, вы не видели, как они возвращались?

– Нет.

– Но вы видели, как они выходили?

– Тоже нет.

– Откуда же вы в таком случае знаете, что они вышли?

– От господина, который вчера после полудня приходил в четыреста пятнадцатый.

– Господин с черными усами?

– Да. Я встретил его около трех часов, когда он уходил. Он сказал мне: «Господа из четыреста пятнадцатого только что ушли. Господин Кессельбах будет ночевать сегодня в Версале, в отеле «Резервуары», куда вы можете пересылать его корреспонденцию.

– Но кто был этот господин? От чьего имени он говорил?

– Этого я не знаю.

Гурель был обеспокоен. Все это казалось ему довольно странным.

– У вас есть ключ?

– Нет. Господин Кессельбах заказал специальные ключи.

– Пойдемте посмотрим.

Гурель снова отчаянно позвонил в дверь. Никакого ответа. Он собирался было уйти, но вдруг, поспешно наклонившись, приложил ухо к замочной скважине.

– Прислушайтесь... Можно подумать... Ну конечно... Это вполне отчетливо... Жалобы... Стоны...

Он изо всех сил ударил в дверь кулаком.

– Но, сударь, вы не имеете права...

– Я не имею права?

Он стал бить в дверь еще сильнее, но без всякого результата.

– Скорее, скорее зовите слесаря!

Один из служащих помчался за слесарем. Гурель ходил взад и вперед, шумливый и нерешительный. Слуги с других этажей собрались в коридоре. Прибыли люди из администрации, из дирекции. Гурель, не выдержав, воскликнул:

– Но почему нельзя войти через прилегающие комнаты? Они соединяются с апартаментом?

– Да, но двери между ними всегда заперты с двух сторон.

– В таком случае я звоню в Уголовную полицию, – заявил Гурель, для которого, по всей видимости, не существовало иного спасения, кроме как обратиться к своему шефу.

– И в комиссариат, – заметил кто-то.

– Да, если хотите, – ответил Гурель тоном человека, которого такая формальность мало интересует.

Когда он, позвонив, вернулся, слесарь заканчивал подбирать ключи. Последний по счету ключ открыл замок. Гурель торопливо вошел.

Он сразу же бросился к тому месту, откуда доносились жалобы, и наткнулся на два тела: секретаря Шапмана и слуги Эдварда. Одному из них, Шапману, силой терпения удалось слегка ослабить кляп, и он издавал глухие стоны. Другой, казалось, спал.

Их освободили. Гурель забеспокоился:

– А господин Кессельбах?

Он прошел в гостиную. Господин Кессельбах сидел, прижатый к спинке кресла возле стола. Голова его упала на грудь.

– Он в обмороке, – сказал Гурель, подойдя ближе. – Должно быть, усилия, которые он предпринимал, довели его до изнеможения.

Он быстро разрезал стягивавшие плечи пленника веревки. Всей массой тело повалилось вперед. Гурель подхватил господина Кессельбаха и в ужасе отпрянул с криком:

– Да он мертв! Пощупайте... руки совсем холодные, и посмотрите на глаза!

Кто-то отважился предположить:

– Наверняка кровоизлияние... или разрыв аневризмы.

– Действительно, следов раны нет... Это естественная смерть.

Труп уложили на диван и расстегнули одежду. И сразу же на белой рубашке проступили красные пятна, а когда ее раздвинули, то заметили, что на груди, там, где сердце, виднеется маленькое отверстие, откуда вытекает тоненькая струйка крови.

К рубашке была приколата визитная карточка.

Гурель наклонился. Это была карточка Арсена Люпена, тоже вся окровавленная.

Тут Гурель выпрямился, решительный и властный:

– Преступление!.. Арсен Люпен!.. Уходите... Все уходите... Чтобы никого не оставалось ни в гостиной, ни в спальне! Надо перенести тело и оказать помощь тем господам в другой комнате!.. Выйдите все! И чтобы ни к чему не прикасаться. *Скоро приедет шеф!*

IV

Арсен Люпен!

Остолбневший Гурель повторял эти два роковых слова. Они отзывались в нем похоронным звоном. Арсен Люпен! Бандит-король! Авантюрист высшей пробы! Да полно, возможно ли это?

«Нет, нет, – прошептал он, – это невозможно, *ведь он умер!*»

Только вот... действительно ли он умер?

Арсен Люпен!

Стоя возле трупа, он ошеломленно, с некоторой опаской вертел в руках визитную карточку, словно бы только что получил вызов от какого-то призрака. Арсен Люпен! Что теперь делать? Действовать? Вступить в борьбу собственными силами?... Нет, нет... лучше ничего не делать... Если он примет вызов такого противника, ошибки будут неизбежны. К тому же, разве не должен приехать шеф?

Скоро придет шеф! Вся психология Гуреля сводилась к этой короткой фразе. Расторопный и упорный, исполненный отваги и опытный, обладавший исполинской силой, он был из тех, кто идет вперед, лишь когда ими управляют, и работу они выполняют хорошо, лишь когда она им поручена.

Такое отсутствие инициативы еще больше усугубилось с тех пор, как место господина Дюдуи в Уголовной полиции занял господин Ленорман! Господин Ленорман – вот это был шеф! С ним можно было не сомневаться, что идешь по правильному пути! Гурель был настолько в этом уверен, что останавливался, если шеф больше не подталкивал его.

Но шеф скоро придет! На своих часах Гурель высчитывал точное время его прибытия. Только бы комиссар полиции не опередил его, и следовательно, наверняка уже назначенный, или судебно-медицинский эксперт не явились делать несвоевременные заключения до того, как шеф успеет запечатлеть в своем сознании основные моменты этого дела!

– Ну, Гурель, о чем ты задумался?

– Шеф!

Господин Ленорман был еще молодым человеком, если принять во внимание выражение его лица и глаз, блестящих под очками; и в то же время это был едва ли не старик, если обратить взгляд на его сутулую спину, желтую, сухую, словно восковую кожу, седеющие волосы и бороду, на весь его облик, надломленный, неуверенный, болезненный.

Как представитель государственной власти, господин Ленорман провел мучительную часть своей жизни в колониях, на самых опасных постах. Там он приобрел разные виды лихорадки, определенную мизантропию и привычку жить в одиночестве, но вместе с тем, несмотря на физический упадок, еще и неукротимую энергию, обычай говорить мало и действовать молча, а к пятидесяти годам, после знаменитого дела трех испанцев из Бискры, внезапно заслужил и величайшую справедливую известность. Тогда же сразу была исправлена несправедливость: его назначили в Бордо, потом помощником начальника в Париж, а после смерти господина Дюдуи – начальником Уголовной полиции. И на каждом из этих постов он проявлял редкую изобретательность в подходах, новые и оригинальные способности и качества, а главное, добился столь выдающихся результатов в ведении четырех или пяти скандальных дел, взбудораживших общественное мнение, что его имя сравнивали с именами самых прославленных полицейских. Что касается Гуреля, то он не ко-

лебался. Любимец начальника, ценившего его за простодушие и слепое повиновение, он ставил господина Ленормана превыше всего. Для него это был кумир, божество, которое не ошибается.

В тот день господин Ленорман выглядел особенно утомленным. Он устало сел, раздвинул полы своего старого редингота, знаменитого старомодным покроем и оливковым цветом, развязал не менее знаменитый шарф каштанового оттенка и прошептал:

– Рассказывай.

Гурель рассказал обо всем, что видел, и обо всем, что узнал, причем рассказал это вкратце, согласно обычаю, к которому приучил его шеф.

Но когда он предъявил визитную карточку Люпена, господин Ленорман вздрогнул.

– Люпен! – воскликнул он.

– Да, Люпен, он снова всплыл, скотина.

– Тем лучше, тем лучше, – произнес господин Ленорман после минутного раздумья.

– Разумеется, тем лучше, – подхватил Гурель, которому нравилось истолковывать оброненные начальством слова, и в упрек шефу он ставил лишь то, что тот столь малоразговорчив, – тем лучше, поскольку вы наконец померитесь силами с достойным вас противником... И на Люпена найдется управа... Люпен перестанет существовать... Люпен...

– Ищи, – сказал господин Ленорман, оборвав его.

Это походило на команду охотника своему псу. И в самом деле, на манер хорошего пса, проворного, умного, до-тошного, Гурель стал искать под наблюдением хозяина. Концом своей трости господин Ленорман указывал на какой-то угол или кресло, подобно тому, как со знанием дела указывают на какой-нибудь куст или заросли.

– Ничего, – сказал наконец инспектор.

– Для тебя ничего, – проворчал господин Ленорман.

– Это я и хотел сказать... Я знаю, что для вас есть вещи, которые говорят, словно живые, настоящие свидетели. Хотя тут все ясно, вот оно, преступление, записанное на счет господина Люпена.

– Первое преступление, – заметил господин Ленорман.

– Действительно, первое... Но это было неизбежно. Такую жизнь не ведут без того, чтобы в один прекрасный день не дойти, в силу обстоятельств, до настоящего преступления... Господин Кессельбах защищался...

– Нет, ведь он был связан.

– Верно, – в замешательстве признал Гурель, – и это весьма любопытно... Зачем убивать противника, который уже не сопротивляется?.. Хотя, если бы я схватил его вчера, когда мы встретились лицом к лицу на пороге прихожей...

Господин Ленорман прошел на балкон. Потом осмотрел спальню господина Кессельбаха, расположенную справа, проверил запоры на окнах и дверях.

– Окна в этих двух комнатах были закрыты, когда я вошел, – заявил Гурель.

– Заперты или прикрыты?

– Никто к ним не прикасался. Стало быть, они были заперты, шеф...

Шум голосов вернул их в гостиную. Прибыли судебно-медицинский эксперт, уже приступивший к осмотру трупа, и господин Формери, следователь.

– Арсен Люпен! – воскликнул господин Формери. – Наконец-то! Я счастлив, что благоприятный случай вновь свел меня с этим бандитом! Этот парень увидит, с кем имеет дело!.. Теперь ведь речь идет об убийце!.. Посмотрим, кто кого, искусник Люпен!

Господин Формери не забыл странное приключение с диадемой княгини де Ламбаль и то, каким восхитительным образом Люпен обхитрил его несколько лет назад. Дело стало знаменитым в судебных кругах. Над этим до сих пор смеялись, и господин Формери справедливо затаил чувство злобой обиды и желание добиться оглушительного реванша.

– Преступление очевидно, – произнес он с убежденным видом, – нам легко будет обнаружить мотив. Пока все идет хорошо. Приветствую вас, господин Ленорман... Я очень рад.

Господин Формери не испытывал ни малейшей радости. Присутствие господина Ленормана, напротив, не доставляло ему удовольствия, ведь начальник Уголовной полиции даже

не скрывал презрения, с каким относился к нему. Тем не менее он выпрямился и торжественно произнес:

– Итак, доктор, вы полагаете, что смерть наступила около двенадцати часов назад, возможно, даже больше?.. Я так и предполагал. Полностью согласен. А орудие преступления?

– Нож с очень тонким лезвием, господин следователь, – отвечал врач. – Взгляните, лезвие вытирали носовым платком самого покойного...

– В самом деле... в самом деле... след явственно виден... А теперь мы допросим секретаря и слугу господина Кессельбаха. Я не сомневаюсь, что их допрос прольет какой-то свет.

Шапман, которого перенесли в его комнату, слева от гостиной, так же, как Эдвард, уже оправился от выпавших на его долю испытаний. Он подробно изложил события вчерашнего дня, тревоги господина Кессельбаха, предстоящий визит так называемого полковника и, наконец, рассказал о падении, жертвами которого они стали.

– А-а! – воскликнул господин Формери. – Есть сообщник! И вы слышали его имя... Марко, вы говорите? Это очень важно. Как только мы найдем сообщника, дело продвинется...

– Да, но у нас его нет, – возразил господин Ленорман.

– Посмотрим... Всеу свое время. Итак, господин Шапман, этот Марко ушел сразу после звонка господина Гуреля?

– Да, мы слышали, как он уходил.

– А после его ухода вы ничего больше не слышали?

– Слышали... время от времени, но смутно. Дверь была закрыта.

– А какого рода шум?

– Звуки голоса. Тот человек...

– Называйте его по имени. Арсен Люпен.

– Арсен Люпен, должно быть, звонил по телефону.

– Прекрасно! Мы допросим особу из отеля, на которой лежит обязанность соединять с городом. А позже вы слышали, как он тоже ушел?

– Он проверил, крепко ли мы связаны, а через четверть часа ушел, закрыв за собой дверь прихожей.

– Да, сразу после совершенного злодеяния. Прекрасно... Прекрасно... Все складывается! А потом?..

– Потом мы больше ничего не слышали... Наступила ночь, от усталости я заснул... Эдвард – тоже. И лишь утром...

– Да... я знаю... Ладно, все идет неплохо... все складывается...

И, отмечая важные пункты своего расследования тоном, каким он перечислял бы победы над неизвестным, Формери задумчиво прошептал:

– Сообщник... телефон... время преступления... услышанные звуки... Хорошо... Очень хорошо... Нам остается установить мотив преступления. В данном случае, поскольку речь идет о Люпене, мотив ясен. Господин Ленорман, вы не заметили каких-либо следов взлома?

– Никаких.

– Тогда, значит, кража была совершена непосредственно у самой жертвы. Нашли его бумажник?

– Я оставил его в кармане куртки, – ответил Гурель.

Они все вместе прошли в гостиную, где господин Формери установил, что в бумажнике находились лишь визитные карточки и удостоверение личности.

– Это странно. Господин Шапман, не могли бы вы сказать нам, не было ли у господина Кессельбаха при себе какой-то суммы денег?

– Да, накануне, то есть позавчера, в понедельник, мы ездили в «Лионский кредит», где господин Кессельбах арендовал сейф.

– Сейф в банке «Лионский кредит»? Хорошо... Надо проверить с этой стороны.

– А прежде чем уйти, господин Кессельбах открыл счет и унес с собой пять или шесть тысяч франков в банкнотах.

– Прекрасно... Теперь мы осведомлены.

– Есть еще одно обстоятельство, господин следователь, – продолжал Шапман, – господин Кессельбах, которого вот уже несколько дней что-то сильно беспокоило – о причине этого я вам говорил... какой-то проект, которому он придавал огромное значение, – так вот, господин Кессельбах, похоже, особо дорожил двумя вещами: прежде всего шкатулкой эбенового дерева, и эту шкатулку он поместил для сохранности в «Лионский кредит», а еще – маленьким футля-

ром из черного сафьяна, в котором хранилось несколько документов.

– И этот футляр?..

– До прихода Люпена он при мне положил его в дорожную сумку.

Взяв дорожную сумку, господин Формери пошарил в ней. Футляра там не оказалось. Он потер руки.

– Ладно, все складывается... Мы знаем виновного, обстоятельства и мотив преступления. Это дело не затянется. Господин Ленорман, вы во всем со мной согласны?

– Не согласен ни в чем.

На мгновение все оцепенели. Прибыл полицейский комиссар, а за ним, несмотря на охранявших дверь полицейских, проникли внутрь и остановились в прихожей группа журналистов и персонал отеля.

Хотя суровость господина Ленормана была широко известна и порой граничила с некоторой грубостью, уже стоившей ему определенных нареканий со стороны руководства, такая резкость ответа привела всех в замешательство. Особенно был озадачен господин Формери.

– Однако, – молвил он, – на мой взгляд, тут все проще простого: Люпен – вор...

– Зачем ему было убивать? – возразил господин Ленорман.

– Чтобы украсть.

– Прошу прощения, но рассказ свидетелей доказывает,

что кража имела место до убийства. Господина Кессельбаха сначала связали и заткнули ему рот, потом обокрали. Зачем же Люпену, который до сих пор никогда не совершал подобных преступлений, убивать человека совершенно беспомощного и уже ограбленного?

Следователь пригладил свои длинные бакенбарды привычным движением, свойственным ему в тех случаях, когда вопрос казался неразрешимым, и задумчиво произнес:

– На это есть несколько причин...

– Каких?

– Это зависит... Это зависит от множества еще неизвестных деталей... К тому же, впрочем, возражение касается лишь природы мотивов. А в остальном мы с вами согласны.

– Нет.

На сей раз это прозвучало четко, резко, почти невежливо, так что следователь, совсем растерявшись, не осмелился даже протестовать, сбитый с толку столь странным коллегой. Под конец он сказал:

– У каждого свой метод. Мне было бы любопытно узнать ваш.

– У меня его нет.

Начальник Уголовной полиции встал и, опираясь на свою трость, сделал несколько шагов. Вокруг него все молчали... и было довольно забавно наблюдать, как этот старый, тщедушный, согбенный человек властвует над остальными в силу своего авторитета, которому подчинялись даже те, кто с

ним еще не был согласен.

После продолжительного молчания господин Ленорман произнес:

– Мне хотелось бы посетить комнаты, прилегающие к этому апартаменту.

Управляющий показал ему план отеля. Расположенная справа спальня господина Кессельбаха не имела другого выхода, кроме прихожей самого апартамента. Но комната секретаря, расположенная слева, сообщалась с другой комнатой.

– Осмотрим эту, – сказал он.

Господин Формери, не удержавшись, пожал плечами и проворчал:

– Но ведущая туда дверь заперта на засов, и окно закрыто.

– Осмотрим ее, – повторил господин Ленорман.

Его отвели в эту комнату, которая была первой из пяти зарезервированных для госпожи Кессельбах. Затем, по его просьбе, его проводили в следующие комнаты. Все двери между ними были заперты с обеих сторон.

Господин Ленорман спросил:

– Ни одна из этих комнат не занята?

– Ни одна.

– Ключи?

– Ключи по-прежнему в администрации.

– Значит, войти никто не мог?

– Никто, кроме коридорного на этаже, обязанного проветривать и вытирать пыль.

– Пригласите его.

Слуга по имени Гюстав Бёдо ответил, что накануне, согласно предписанию, он запер окна всех пяти комнат.

– В котором часу?

– В шесть часов вечера.

– И вы ничего не заметили?

– Нет, ничего.

– А сегодня утром?

– Сегодня утром я открыл окна ровно в восемь часов.

– И вы ничего не обнаружили?

– Нет... ничего... Хотя...

Он заколебался. Его засыпали вопросами, и он, в конце концов, признался:

– Так вот, возле камина четыреста двадцатого номера я подобрал портсигар... который собирался отнести в администрацию вечером.

– Он при вас?

– Нет, он в моей комнате. Это портсигар из полированной стали. С одной стороны кладется табак и бумага для сигарет, с другой – спички. Имеются две буквы золотом... одна – Л, а другая – М.

– Как вы говорите?

Это вмешался Шапман. Казалось, он был очень удивлен и снова обратился к слуге:

– Портсигар из полированной стали, говорите вы?

– Да.

– С тремя отделениями для табака, бумаги и спичек... Табак русский, не так ли, мелкий, светлый?

– Да.

– Принесите его... Я хотел бы взглянуть... Сам убедиться...

По знаку начальника полиции Гюстав Бёдо удалился. Господин Ленорман сел и острым взглядом обследовал ковер, мебель, занавески.

– Мы сейчас в четыреста двадцатом номере? – спросил он.

– Да.

Следователь усмехнулся:

– Мне хотелось бы знать, какую связь вы видите между этим происшествием и драмой. Пять дверей отделяют нас от комнаты, где был убит Кессельбах.

Господин Ленорман не соизволил ответить.

Шло время. Гюстав не возвращался.

– Где он ночует, господин управляющий? – спросил начальник.

– На седьмом этаже, это улица Жюде, значит, над нами. Странно, что его еще нет.

– Не могли бы вы послать за ним кого-нибудь другого?

Управляющий отправился сам в сопровождении Шапмана. Через несколько минут он вернулся один, бегом, вне себя.

– Ну что?

– Мертв...

– Убит?

– Да.

– А-а, черт, они сильны, эти негодяи! – изрек господин Ленорман. – Живее, Гурель, пусть запрут двери отеля... Следи за выходами... А вы, господин управляющий, проводите нас в комнату Гюстава Бёдо.

Управляющий вышел. А господин Ленорман, прежде чем покинуть комнату, наклонился и подобрал крохотный кружок бумаги, от которого не отрывал глаз.

Это была этикетка, окаймленная синим. На ней значилась цифра 813. Положив ее на всякий случай в свой бумажник, он присоединился к остальным.

V

Маленькая ранка на спине, между лопатками...

– Такая же точно, как у господина Кессельбаха, – заявил врач.

– Да, – согласился господин Ленорман, – удар нанесла та же рука, и послужило то же оружие.

Согласно положению трупа мужчина был застигнут врасплох на коленях перед своей кроватью, он искал под матрасом портсигар, который туда спрятал. Рука еще оставалась зажатой между матрасом и сеткой, но портсигара не нашли.

– Надо, чтобы этот предмет был чертовски компрометирующим, – предположил господин Формери, не решавшийся больше высказывать определенного мнения.

– Черт возьми! – произнес начальник полиции.

– Но нам известны инициалы, это Л и М, а с этим, согласно тому, что Шапман, похоже, знал, мы легко докопаемся до истины.

Господин Ленорман вздрогнул:

– Шапман! Где он?

Выглянули в коридор, где скопилось множество людей, но Шапмана среди них не было.

– Господин Шапман сопровождал меня, – сказал управляющий.

– Да, да, я знаю, но он не спустился вместе с вами.

– Нет, я оставил его возле трупа.

– Вы оставили его!.. Одного?

– Я сказал ему: «Оставайтесь и никуда не уходите».

– И никого вокруг не было? Вы никого не видели?

– В коридоре – нет.

– А в соседних мансардах... или хотя бы за тем поворотом... Никто там не прятался?

Господин Ленорман казался очень взволнованным. Он шагал по коридору, открывая двери комнат. И внезапно бросился бегом с проворством, которого от него не ожидали.

Он стремительно преодолел шесть этажей, за ним с трудом поспевали управляющий и следователь. Внизу у главно-

го входа он нашел Гуреля.

– Никто не выходил?

– Никто.

– А другая дверь, на улицу Орвието?

– Я поставил там сторожить Дьёзи.

– С точными указаниями?

– Да, шеф.

В просторном холле отеля теснилась встревоженная толпа путешественников, которые обсуждали доходившие до них версии, более или менее точные, относительно странного преступления. Все вызванные по телефону слуги прибывали один за другим. Господин Ленорман сразу же их допрашивал.

Никто не мог предоставить никаких сведений. Но вот пришла одна горничная с седьмого этажа. Минут десять назад она встретила двух господ, спускавшихся по служебной лестнице между шестым и пятым этажами.

– Они спускались очень быстро. Один держал за руку другого. Я удивилась, увидев этих двух господ на служебной лестнице.

– Вы смогли бы узнать их?

– Первого – нет. Он отвернулся. Это худощавый блондин. На нем была мягкая шляпа, черная... и черная одежда.

– А другой?

– А-а, другой, это англичанин с толстым лицом, гладко выбритым, и в клетчатой одежде. Без шляпы.

Со всей очевидностью описание относилось к Шапману. Женщина добавила:

– Вид у него был... вид очень странный... как будто бы он не в себе.

Заверений Гуреля господину Ленорману оказалось недостаточно. Он по очереди расспрашивал лакеев, стоявших у дверей.

– Вы знаете Шапмана?

– Да, сударь, он всегда разговаривал с нами.

– И вы не видели, чтобы он выходил?

– Ну нет. Нынче утром он не выходил.

Господин Ленорман повернулся к полицейскому комиссару:

– Сколько у вас людей, господин комиссар?

– Четверо.

– Этого недостаточно. Звоните вашему секретарю, чтобы он прислал всех свободных людей. И самолично организуйте самое строгое наблюдение за всеми выходами. Осадное положение, господин комиссар.

– Но, – запротестовал управляющий, – как же мои клиенты?..

– Мне плевать на ваших клиентов, сударь. Прежде всего, мой долг и моя обязанность арестовать во что бы то ни стало...

– Стало быть, вы полагаете?.. – отважился вставить слово следователь.

– Я не полагаю, сударь... Я уверен, что автор двойного убийства еще находится в отеле.

– Но тогда Шапман...

– В данный момент я не могу утверждать, что Шапман еще жив. Во всяком случае это вопрос минут, секунд... Гурель, возьми двух людей и обыщи все комнаты пятого этажа... Господин управляющий, пусть один из ваших служащих сопровождает их. Что касается других этажей, то я займусь этим, когда подоспеет подкрепление. Давай, Гурель, на охоту, и гляди в оба... Это крупная дичь.

Гурель и его люди заторопились. А сам господин Ленорман остался в холле, возле администрации отеля. На сей раз он, вопреки своему обыкновению, и не думал садиться. Он шагал от главного входа к выходу на улицу Орвието и возвращался к исходной точке.

Время от времени он приказывал:

– Господин управляющий, пусть следят за кухнями, убежать можно и через них... Господин управляющий, скажите вашей барышне на телефоне, чтобы она не соединяла ни одного человека из отеля, кто пожелал бы позвонить в город. Если же кому-то позвонят из города, то пусть она соединит с требуемой персоной, но обязательно запишет имя этой персоны. Господин управляющий, велите составить список ваших клиентов, чье имя начинается с буквы Л или М.

Все это он говорил громко, словно генерал армии, отдающий своим поручикам приказы, от которых зависит исход

битвы.

А это действительно была битва, страшная и беспощадная битва, которая разворачивалась в элегантной обстановке роскошного парижского отеля между могущественным персонажем, коим является начальник Уголовной полиции, и той таинственной личностью, преследуемой, загнанной, уже почти схваченной, но столь чудовищно коварной и жестокой.

Ужас сковывал зрителей, собравшихся посреди холла, молчаливых и трепещущих, вздрагивающих от страха при малейшем шорохе, одержимых жутким образом убийцы. Где он скрывался? И появится ли? А нет ли его среди них?.. Может, этот?.. Или тот?..

Нервы были до того напряжены, что в порыве возмущения люди могли бы сломать двери и выбраться на улицу, если бы здесь не было главного распорядителя, в самом его присутствии было что-то обнадеживающее и успокаивающее. Они чувствовали себя в безопасности, словно пассажиры некоего судна, которым управляет отличный капитан.

И все взоры были обращены к этому старому господину в очках, с седыми волосами, в оливкового цвета рединготе с каштанового оттенка шарфом, господину с согбенной спиной и дрожащими ногами.

Время от времени прибегал посланный Гурелем парень, один из тех, кто выполнял указания инспектора.

– Есть новости? – спрашивал господин Ленорман.

– Никаких, господин начальник, ничего не обнаружено.

Дважды управляющий пытался ослабить предписание. Ситуация складывалась невыносимая. В администрации протестовали несколько путешественников, из тех, кто собирался уезжать, или чьи дела не терпели отлагательств.

– Мне плевать, – повторял господин Ленорман.

– Но я знаю этих людей.

– Тем лучше для вас.

– Вы превышаете свои полномочия.

– Я знаю.

– Вас станут обвинять.

– Я в этом уверен.

– Да вот и сам следователь...

– Пусть господин Формери оставит меня в покое! Ему лучше допрашивать прислугу, чем он сейчас и занимается. А остальное – не дело следствия. Остальное дело полиции. Мое дело.

В эту минуту в отель проник целый отряд полицейских. Начальник Уголовной полиции разделил их на несколько групп и отправил на четвертый этаж, а потом обратился к комиссару:

– Уважаемый комиссар, поручаю вам наблюдение. Заклинаю вас, ни малейшей поблажки! Я беру на себя ответственность за все, что случится.

И, направившись к лифту, он велел доставить себя на третий этаж.

Работа была не из легких. Она оказалась долгой, ибо требовалось открыть двери шестидесяти номеров, осмотреть все ваннные комнаты, все альковы, все шкафы, все закоулки. К тому же она оказалась безрезультатной. По прошествии часа, к полудню господин Ленорман едва покончил с третьим этажом, остальные полицейские продолжали осмотр верхних этажей, но так ничего и не обнаружили.

Господин Ленорман засомневался: не поднялся ли убийца к мансардам?

Однако он собирался спуститься, когда ему сообщили, что прибыла госпожа Кессельбах со своей компаньонкой. Эдвард, старый доверенный слуга, согласился взять на себя задачу сообщить ей о смерти господина Кессельбаха.

Господин Ленорман нашел ее в одной из гостиных, подавленную, без слез, но с лицом, искаженным болью, дрожащую всем телом, словно ее сотрясала лихорадка.

Это была довольно высокая женщина, темноволосая, ее черные глаза необычайной красоты отливали золотом, были пронизаны золотистыми точечками, похожими на блестки, которые сияют в темноте. Муж познакомился с ней в Голландии, она была родом из старинной семьи испанского происхождения: Амонти. Он сразу же влюбился в нее, и за четыре года их согласие, сотканное из нежности и преданности, ни разу не нарушалось.

Господин Ленорман представился. Она взглянула на него, не ответив, и он умолк, поскольку в своем оцепенении она,

казалось, не понимала, что он говорит.

Потом вдруг она разрыдалась и попросила, чтобы ее проводили к мужу.

В холле господин Ленорман встретил Гуреля, тот как раз искал его и поспешно протянул ему шляпу, которую держал в руках.

– Патрон, я подобрал это... Никаких сомнений относительно происхождения, а?

Это была мягкая шляпа, черный фетр. Внутри ни подкладки, ни этикетки.

– Где ты ее подобрал?

– На площадке служебной лестницы, на третьем.

– На других этажах ничего?

– Ничего. Мы все обыскали. Остался только второй. И эта шляпа доказывает, что мужчина спустился туда. Мы у цели, патрон.

– Думаю, да.

Внизу, у лестницы, господин Ленорман остановился.

– Ступай к комиссару и передай ему указание: по два человека внизу у каждой из четырех лестниц, и с револьвером в руках. Если надо, пусть стреляют. Пойми одно, Гурель, если Шапмана не удастся спасти, а тип сбежал, я потеряю место. Вот уже два часа я занимаюсь ерундой.

Он поднялся по лестнице и на втором этаже встретил двух полицейских, выходявших из какой-то комнаты, их сопровождал служащий.

В коридоре было пусто. Персонал отеля не решался туда входить, а некоторые постояльцы заперлись на два оборота в своих комнатах, так что приходилось долго стучать и называть себя, прежде чем дверь открывалась.

Чуть дальше господин Ленорман увидел группу полицейских, которые осматривали служебное помещение, а в конце длинного коридора заметил еще и других, они появились из-за угла, то есть из комнат, выходивших на улицу Жюде.

Внезапно он услышал их возгласы, полицейские бросились бежать. Он тоже заспешил.

Полицейские остановились посреди коридора. У их ног, преграждая путь, лицом в ковер лежало тело.

Господин Ленорман, наклонившись, коснулся безжизненной головы.

– Шапман мертв, – прошептал он.

Господин Ленорман осмотрел тело. Белый шелковый шарф стягивал шею. Он развязал его. Появились красные пятна – шарф удерживал на шее толстый ватный тампон, пропитанный кровью.

И на сей раз была все та же ранка, явственная, отчетливая, безжалостная.

Тотчас предупрежденные, прибежали господин Формери и комиссар.

– Никто не выходил? – спросил начальник полиции. – Никаких сигналов?

– Ничего, – ответил комиссар. – Два человека стоят на

посту внизу у каждой лестницы.

– Может, он снова поднялся? – предположил господин Формери.

– Нет!.. Нет!..

– Однако иначе его бы встретили.

– Нет... Все это сделано уже давно. Руки совсем холодные. Убийство совершено сразу после того, другого... в тот момент, когда оба мужчины пришли сюда по служебной лестнице.

– Но тогда увидели бы труп! Подумайте сами, за два часа здесь прошло человек пятьдесят...

– Труп находился не здесь.

– В таком случае где же?

– Э-э! Откуда мне знать? – не выдержал вдруг начальник полиции. – Поступайте, как я, ищите!.. Слова тут не помогут.

Не отрывая глаз от трупа, он в ярости стучал рукой по набалдашнику своей трости, задумчивый и молчаливый. Потом, наконец, произнес:

– Господин комиссар, окажите любезность, велите перенести жертву в пустую комнату. Нужно вызвать врача. Господин управляющий, откройте мне, пожалуйста, все комнаты этого коридора.

Слева находились три комнаты и две гостиные, составлявшие незанятый апартамент, который и осмотрел господин Ленорман. Справа – четыре комнаты. В двух проживали некий господин Реверда и один итальянец, барон Джакоми-

чи, оба в то время отсутствовали. В третьей комнате обнаружили англичанку, старую деву, которая еще не вставала, а в четвертой – англичанина, который мирно читал и курил, шум в коридоре не отвлек его от чтения. Звали его майор Парбери.

Впрочем, обыск и расспросы не дали никаких результатов. Престарелая девица ничего не слышала до того, как появились полицейские, – ни шума борьбы, ни криков агонии, ни перебранки; майор Парбери тоже.

Кроме того, не нашли никакой подозрительной улики, ни малейшего следа крови, ничего, что давало бы возможность предположить, что несчастный Шапман побывал в одной из этих комнат.

– Странно, – прошептал следователь. – Все это действительно странно...

И простодушно добавил:

– Я все меньше и меньше что-либо понимаю. Целый ряд обстоятельств частично ускользает... Что вы об этом думаете, господин Ленорман?

Господин Ленорман наверняка собирался отпустить одно из тех острых словечек, в которых обычно проявлялось его скверное расположение духа, когда появился запыхавшийся Гурель.

– Шеф... мы нашли вот это... внизу... в администрации отеля... на стуле...

Это был небольших размеров пакет, завернутый в черную

саржу.

– Его открывали? – спросил начальник.

– Да, но когда увидели, что в нем находится, снова свернули в точности, как было, и очень крепко связали, можете посмотреть.

– Развяжи!

Гурель снял обертку, и все увидели брюки и пиджак из черного мольтона, которые, должно быть, сложили наспех, о чем свидетельствовали складки ткани.

В середине лежало полотенце, все испачканное кровью – его, судя по всему, погружали в воду для того, чтобы уничтожить следы рук, которые им вытирали.

В полотенце обнаружился стальной кинжал с инкрустированной золотом рукояткой. Он был красным от крови, крови трех мужчин, за несколько часов зарезанных невидимой рукой среди толпы в три сотни человек, ходивших туда и сюда в просторном отеле. Эдвард, слуга, тотчас признал кинжал принадлежащим господину Кессельбаху. Еще накануне, до нападения Люпена, Эдвард видел его на столе.

– Господин управляющий, – сказал начальник Уголовной полиции, – запрет отменяется. Гурель, ступай отдай приказ, чтобы освободили двери.

– Вы, стало быть, полагаете, что Люпен мог выйти? – спросил господин Формери.

– Нет. Автор тройного преступления находится в отеле, в одной из комнат, или, точнее, среди путешественников, ко-

которые собрались в холле или в гостиных. На мой взгляд, он проживал в отеле.

– Невозможно! И потом, где бы он мог сменить одежду? И как он одет теперь?

– Этого я не знаю, но утверждаю, что было именно так.

– И вы позволите ему уйти? Ведь он преспокойно уйдет, руки в карманах.

– Тот из путешественников, кто уйдет таким образом, без багажа, и не вернется, и будет виновным. Господин управляющий, будьте любезны сопроводить меня в администрацию. Мне хотелось бы подробно изучить список ваших клиентов.

В администрации господин Ленорман нашел несколько писем на имя господина Кессельбаха. Он передал их следователю.

Была еще посылка, которую только что доставила парижская служба почтовых посылок. Оберточная бумага была частично надорвана, и господин Ленорман смог увидеть эбеновую шкатулку, на которой было выгравировано имя Рудольфа Кессельбаха.

Он открыл ее. Кроме осколков зеркала, местоположение которого еще было видно на внутренней стороне крышки, в шкатулке лежала визитная карточка Арсена Люпена.

Однако начальника Уголовной полиции поразила, казалось, другая деталь. Снаружи, под коробкой, находилась маленькая этикетка, окаймленная синим, похожая на этикетку, подобранную им в комнате на пятом этаже, где нашли порт-

сигар, и на этой этикетке также значилась цифра 813.

Господин Ленорман начинает действовать

I

– Огюст, пригласите господина Ленормана.

Секретарь вышел и через несколько секунд вернулся с начальником Уголовной полиции.

В просторном кабинете министерства на площади Бово находились три человека: знаменитый Валангле, лидер радикальной партии на протяжении тридцати лет, ныне – председатель Совета и министр внутренних дел, генеральный прокурор Тестар и префект полиции Делом.

Префект полиции и генеральный прокурор не поднялись со стульев, на которых сидели во время долгого разговора, только что состоявшегося у них с председателем Совета, но сам Валангле встал и, пожав руку начальнику Уголовной полиции, обратился к нему самым радушным тоном:

– Я не сомневаюсь, дорогой Ленорман, что вы знаете причину, по которой я просил вас прийти?

– Дело Кессельбаха?

– Да.

Дело Кессельбаха! Нет человека, который не помнил бы

не только трагическое дело Кессельбаха, сложный клубок которого я взялся распутать, но и малейшие перипетии той драмы, что взбудоражила нас всех за два года до войны. И нет никого, кто не помнит необычайного волнения, которое оно вызвало во Франции и за ее пределами. А между тем еще больше, чем это тройное убийство, совершенное при столь загадочных обстоятельствах, еще больше, чем отвратительная жестокость этой резни, больше всего население потрясло другое – неожиданное появление, можно сказать, воскресение Арсена Люпена.

Арсен Люпен! О нем не было ни слуху ни духу в течение четырех лет после его невероятного, ошеломляющего приключения с Полрой иглой, с того дня, когда на глазах у Херлока Шолмса и Изидора Ботреле он исчез во тьме, унося на спине труп своей возлюбленной, а за ним последовала его старая кормилица Виктория.

С того дня Люпена считали мертвым. Такова была версия полиции, которая, не обнаружив следов своего противника, просто-напросто похоронила его.

Некоторые, однако, предполагали, что он спасся, приписывали ему мирное существование добропорядочного обывателя, который возделывает свой огород в окружении детей и супруги; другие же утверждали, будто, сломленный тяжким горем, устав от мирской суеты, он заперся в каком-нибудь монастыре траппистов.

И вот теперь он объявился снова! И возобновил свою бес-

пощадную борьбу против общества! Арсен Люпен вновь становился Арсеном Люпенем, сумасбродом, приводящим в замешательство, отважным, гениальным Арсеном Люпенем.

Однако на сей раз поднялся крик ужаса. Арсен Люпен убил! И дикость, жестокость, беспощадный цинизм возможного злодеяния были таковы, что сразу легенда о симпатичном герое, при случае сентиментальном авантюристе-рыцаре уступила место новому представлению о бесчеловечном чудовище, кровавом и свирепом. Толпа возненавидела и утратила своего бывшего кумира с еще большей силой, нежели некогда восхищалась им за его легкое изящество и веселый располагающий нрав.

И тогда негодование этой испуганной толпы обернулось против полиции. Прежде все лишь смеялись. Прощали одураченного комиссара из-за той комичности, с какой он бывал одурачен. Но шутка затянулась, и теперь в порыве возмущения и ярости от властей требовали отчета за неслыханные преступления, которые те бессильны были предотвратить.

В газетах, на общественных собраниях, на улице, даже на трибуне палаты депутатов происходили такие взрывы гнева, что правительство всколыхнулось и всеми средствами старалось успокоить общественное возбуждение.

Валангле, председатель Совета, имел ярко выраженное пристрастие к полицейским расследованиям и нередко с удовольствием, вникая во все детали, следил за некоторыми делами вместе с начальником Уголовной полиции, качества и

независимый характер которого высоко ценил. В свой кабинет он вызвал для беседы префекта и генерального прокурора, а потом и господина Ленормана.

– Да, дорогой Ленорман, речь идет о деле Кессельбаха. Но прежде чем говорить об этом, хочу привлечь ваше внимание к одному обстоятельству... обстоятельству, которое особенно беспокоит господина префекта полиции. Господин Делом, объясните, пожалуйста, господину Ленорману...

– О! Господин Ленорман прекрасно знает, о чем идет речь, – возразил префект тоном, который свидетельствовал о далеко не благожелательном отношении к подчиненному. – Мы говорили с ним об этом. Я выразил свое мнение по поводу его неподобающего поведения в «Палас-отеле». Все возмущены.

Господин Ленорман встал и достал из кармана бумагу, которую положил на стол.

– Что это? – спросил Валангле.

– Моя отставка, господин председатель.

Валангле так и вскинулся.

– Как! Ваша отставка? Из-за вполне безобидного замечания, которое сделал господин префект и которому, впрочем, он ни в коей мере не придает значения... Не так ли, Делом, никакого значения? А вы вдруг обиделись!.. Признайтесь, мой дорогой Ленорман, что у вас скверный характер. Ну будет, заберите этот клочок бумаги и поговорим серьезно.

Начальник Уголовной полиции снова сел, и Валангле, вы-

удив замолчать префекта, не скрывавшего своего недовольства, произнес:

– В двух словах, Ленорман, дело вот в чем: возвращение на сцену Люпена внушает нам беспокойство. Довольно долгое время этот негодяй насмехался над нами. Признаюсь, это было забавно, я, со своей стороны, первый над этим смеялся. Но теперь речь идет о преступлениях. Пока он смешил галерку, мы могли терпеть Арсена Люпена. Но если он убивает – нет.

– А от меня, господин председатель, чего вы требуете от меня?

– Чего мы требуем? О, все очень просто. Сначала арест... потом – его голову.

– Арест я могу обещать вам в ближайшем будущем. Но что касается его головы – нет.

– Как? Если его арестуют, это суд присяжных, неизбежный приговор... и смертная казнь.

– Нет.

– А почему нет?

– Потому что Люпен не убивал.

– Что? Вы с ума сошли, Ленорман. А трупы в «Палас-отеле» – может, это выдумка? Не было тройного убийства?

– Было, но совершил его не Люпен.

Начальник полиции произнес это весьма внушительно, с впечатляющим спокойствием и убежденностью.

Прокурор и префект запротестовали. Однако Валангле

продолжал:

– Полагаю, Ленорман, для такого предположения у вас имеются серьезные мотивы?

– Это не предположение.

– Доказательства?

– Их два. Два доказательства морального характера, которые я сразу же изложил господину следователю, а газеты их подчеркнули. Прежде всего Люпен не убивает. И потом, зачем ему было убивать, раз цель его экспедиции – воровство – была достигнута, и ему нечего было опасаться связанного противника с кляпом во рту?

– Пусть так. Но факты?

– Факты ничего не стоят по сравнению со здравым смыслом и логикой, да к тому же и факты – на моей стороне. Что могло означать присутствие Люпена в комнате, где обнаружили портсигар? С другой стороны, черная одежда, которую нашли и которая наверняка принадлежала убийце, по размеру никак не соответствует Арсену Люпену.

– Значит, вы его знаете лично?

– Я – нет. Но Эдвард видел его, Гурель видел его, и человек, которого они видели – совсем не тот, кого видела горничная на служебной лестнице, когда тот тащил за руку Шапмана.

– Итак, ваш вывод?

– Вы хотите сказать «истина», господин председатель. Вот она или, по крайней мере, то, что я знаю об истине. Во втор-

ник шестнадцатого апреля некий человек... Люпен... вторгся в комнату господина Кессельбаха около двух часов пополудни...

Взрыв смеха прервал господина Ленормана. Это смеялся префект полиции.

– Позвольте заметить вам, господин Ленорман, что вы с излишней поспешностью делаете уточнения. Доказано, что в тот день в три часа господин Кессельбах вошел в «Лионский кредит» и спустился в зал сейфов. Об этом свидетельствует его подпись в регистрационной книге.

Господин Ленорман почтительно дождался, пока его начальник договорит. Затем, не потрудившись прямо ответить на выпад, продолжил:

– Около двух часов пополудни Люпен с помощью сообщника, именуемого Марко, связал господина Кессельбаха, отобрал у него все имевшиеся при нем наличные деньги и вынудил назвать шифр его сейфа в «Лионском кредите». Как только секрет был раскрыт, Марко ушел. Он встретился со вторым сообщником, который, воспользовавшись некоторым сходством с господином Кессельбахом – сходством, которое, впрочем, он усилил в тот день, надев одежду, похожую на одежду господина Кессельбаха, и очки в золотой оправе, – вошел в банк, подделал подпись господина Кессельбаха, опустошил сейф и вернулся в сопровождении Марко. Тот сразу же позвонил Люпену. Тогда Люпен, удостоверившись, что господин Кессельбах не обманул его, ушел, поскольку цель

его экспедиции была достигнута.

Валангле, казалось, колебался.

– Да... да... предположим... Но все-таки меня удивляет, что такой человек, как Люпен, серьезно рисковал из-за столь жалкой прибыли... нескольких банкнот и всего лишь предполагаемого содержимого сейфа.

– Люпен зарился на большее. Он хотел заполучить либо сафьяновый футляр, который находился в дорожной сумке, либо эбеновую шкатулку, хранившуюся в сейфе. Этой шкатулкой он завладел, поскольку прислал ее пустой. Следовательно, теперь он уверен, что ему открыт путь к разгадке знаменитого проекта, который задумал господин Кессельбах и о котором говорил своему секретарю незадолго до смерти.

– Что за проект?

– Я не знаю. Директор агентства Барбарё, которому он открылся, сказал мне, что господин Кессельбах разыскивал одного человека, похоже, опустившегося, по имени Пьер Ледюк. С какой целью он его искал? И каким образом Ледюк связан с его проектом? Этого я не могу сказать.

– Пусть так. – заключил Валангле. – Это что касается Люпена. Его роль закончилась. Господин Кессельбах был связан, обобран... но оставался жив!.. Что происходит до того момента, когда его нашли мертвым?

– Ничего на протяжении нескольких часов; ничего до наступления ночи. Но в течение ночи в апартамент кто-то вошел.

– Каким образом?

– Через комнату четыреста двадцать, одну из тех, что зарезервировал господин Кессельбах. Визитер, безусловно, обладал поддельным ключом.

– Но, – воскликнул префект полиции, – все двери, а их пять, между этой комнатой и апартаментом были заперты на задвижку!

– Оставался балкон.

– Балкон!

– Да, он один на весь этаж, который выходит на улицу Жюде.

– А перегородки?

– Ловкий человек может их преодолеть. Наш преодолел. Я обнаружил следы.

– Но все окна апартамента были закрыты, и после совершения преступления установили, что они таковыми и оставались.

– Кроме окна секретаря Шапмана, которое было лишь прикрыто, я сам в этом удостоверился.

На сей раз председатель Совета, казалось, немного дрогнул, настолько версия господина Ленормана выглядела логичной, точной и подкрепленной основательными фактами.

Он спросил со всевозрастающим интересом:

– Но с какой целью приходил этот человек?

– Я не знаю.

– Ах, вы не знаете...

– Нет, я и имени его не знаю.

– Но по какой причине он убил?

– Я не знаю. Единственное, что можно предположить, так это то, что у него не было намерения убивать, что он тоже пришел с намерением забрать документы, находившиеся в сафьяновом футляре и в шкатулке, а случайно оказавшись перед лицом беспомощного недруга, убил его.

Валангле прошептал:

– Такое возможно... да, строго говоря... А как, по-вашему, нашел он документы?

– Он не нашел шкатулку, поскольку ее там не было, зато обнаружил на дне дорожной сумки черный сафьяновый футляр. Таким образом, Люпен и... тот, другой, оба в одинаковом положении: о проекте господина Кессельбаха им известно одно и то же.

– То есть, – заметил председатель, – они будут сражаться.

– Вот именно. И борьба уже началась. Убийца, обнаружив визитную карточку Арсена Люпена, приколот ее к труп. Все внешние признаки – против Арсена Люпена... Значит, Арсен Люпен и будет убийцей.

– В самом деле... в самом деле... – согласился Валангле. – Расчет не лишен основательности.

– И хитрость удалась бы, – продолжал господин Ленорман, – если бы по другой случайности, на этот раз неблагоприятной, то ли по пути туда, то ли обратно убийца не потерял в четырехста двадцатой комнате свой портсигар, и ес-

ли бы слуга отеля, Гюстав Бёдо, не подобрал его. С тех пор, зная, что его обнаружили или вот-вот обнаружат...

– Откуда он это узнал?

– Откуда? Да от самого следователя Формери. Дознание велось при открытых дверях! Наверняка убийца скрывался среди присутствующих, служащих отеля или журналистов, когда следователь отправил Гюстава Бёдо в его мансарду за портсигаром. Бёдо поднялся. Убийца последовал за ним и нанес удар. Вторая жертва.

Никто больше не возражал. Драма восстанавливалась, поразительная в своей правдивости и вероятной точности.

– А третья жертва? – спросил Валангле.

– Эта сама подставила себя под удар. Бёдо не возвращался, и Шапман, которому не терпелось самому взглянуть на портсигар, пошел вместе с управляющим отеля. Застигнутый убийцей, он позволил увлечь себя, тот отвел его в одну из комнат и тоже убил.

– А почему Шапман дал увлечь себя этому человеку, хотя знал, что это убийца господина Кессельбаха и Гюстава Бёдо?

– Я этого не знаю, как не знаю и того, в какой комнате было совершено преступление, так же как не догадываюсь о поистине чудодейственном способе, каким виновному удалось скрыться.

– Говорили о каких-то двух синих этикетках, – заметил господин Валангле.

– Да, одна найдена на шкатулке, которую прислал Люпен,

другую нашел я, наверняка она выпала из сафьянового футляра, который украл убийца.

— И что?

— Ничего, по-моему, они ничего не означают. Что действительно имеет какое-то значение, так это цифра 813, которую господин Кессельбах написал на каждой из них: его почерк установили.

— А что такое 813?

— Тайна.

— И что?

— Ничего, я снова вынужден вам ответить, что ничего об этом не знаю.

— У вас нет подозрений?

— Никаких. Два моих человека проживают в одной из комнат «Палас-отеля» на этаже, где нашли труп Шапмана. С их помощью я слежу за всеми людьми в отеле. Виновный не входит в число тех, кто уже уехал.

— Никто не звонил во время убийства?

— Да, из города кто-то звонил майору Парбери, одному из четырех человек, проживавших на втором этаже.

— И этот майор?

— Мои люди следят за ним. До сих пор против него ничего нет.

— И в каком направлении вы собираетесь искать?

— О! Направление вполне определенное. На мой взгляд, убийца принадлежит к числу друзей или знакомых семей-

ства Кессельбах. Он знал их маршрут, знал их привычки, знал причину, по которой господин Кессельбах находится в Париже, и, по крайней мере, он подозревал о важности его намерений.

– Стало быть, это не профессиональный преступник?

– Нет! Нет! Тысячу раз нет. Преступление было совершенно с неслыханной ловкостью и смелостью, но оно было продиктовано обстоятельствами. Повторяю, искать надо в окружении господина и госпожи Кессельбах. И доказательство этому – то, что убийца господина Кессельбаха убил Гюстава Бёдо только потому, что в руках у того был портсигар, а Шапмана – потому, что секретарь знал о его существовании. Вспомните волнение Шапмана: услышав одно лишь описание портсигара, секретарь что-то заподозрил. Если бы он увидел портсигар, мы бы поняли, в чем дело. В этом неизвестный не ошибся: он устранил Шапмана. И теперь мы ничего не знаем, кроме инициалов Л и М.

Подумав, Ленорман добавил:

– Еще одно доказательство, которое является ответом на один из ваших вопросов, господин председатель. Неужели вы думаете, что Шапман пошел бы за тем человеком по коридорам и лестницам отеля, если бы не знал его раньше?

Факты накапливались. Истина – или, по крайней мере, вероятная истина – обозначилась. Многие обстоятельства, возможно, самые любопытные, оставались неясными. Но какое озарение! Даже при незнании мотивов, подготовивших

их, цепочка поступков, совершенных в то трагическое утро, вдруг стала очевидной.

Наступило молчание. Каждый размышлял, раздумывал в поисках аргументов, возражений. Наконец, Валангле воскликнул:

– Дорогой Ленорман, все это прекрасно... Вы меня убедили... Но по сути мы ведь никуда не продвинулись.

– Как это?

– Ну да. Цель нашего собрания вовсе не в том, чтобы раскрыть часть загадки, которую рано или поздно вы, я не сомневаюсь, раскроете полностью, но по возможности удовлетворить требования общественности. Поэтому, действительно ли Люпен убийца или нет, двое было преступников или трое, либо вообще один, все это не дает нам ни имени виновного, ни его ареста. И у общества по-прежнему сохраняется катастрофическое впечатление, что правосудие бессильно.

– Что же я могу сделать?

– Как что? Дайте обществу удовлетворение, коего оно требует.

– Но мне кажется, что этих объяснений уже достаточно...

– Слова! А общество желает действий. Его успокоит единственная вещь: какой-нибудь арест.

– Черт! Черт! Не можем же мы все-таки арестовать первого встречного.

– Это было бы лучше, чем не арестовывать никого, – со смехом заметил Валангле. – Послушайте, поищите получ-

ше... Вы уверены в Эдварде, слуге Кессельбаха?

– Абсолютно уверен... И потом, нет, господин председатель, это было бы опасно, смешно... И я уверен, что сам господин генеральный прокурор... Есть только два человека, которых мы имеем право арестовать – убийца, которого я не знаю, и Арсен Люпен.

– Ну и?..

– Арсена Люпена не арестуешь... Или, по крайней мере, нужно время, определенные меры, которые у меня еще не было времени предпринять, поскольку я считал Люпена остепенившимся... или мертвым.

Валангле топнул ногой с нетерпением человека, который любит, чтобы его желания приводились в исполнение немедленно.

– Однако... однако... дорогой Ленорман, это необходимо! Необходимо и для вас тоже. Вы ведь знаете, что у вас есть могущественные враги... и что если бы не я... Наконец недопустимо, чтобы вы, Ленорман, уклонялись таким образом... А сообщники, что вы о них скажете? Ведь существует не только Люпен... Есть Марко... И еще тот плут, который сыграл роль господина Кессельбаха, чтобы спуститься в подвалы «Лионского кредита».

– Этого последнего вам будет достаточно, господин председатель?

– Достаточно ли мне его будет! Черт побери, я вам доверяю.

– Ну что ж, дайте мне неделю.

– Неделю! Но это не вопрос дней, дорогой Ленорман, это вопрос часов.

– Сколько же вы их мне отпустите, господин председатель?

Достав свои часы, Валангле усмехнулся:

– Я даю вам десять минут, дорогой Ленорман.

Начальник Уголовной полиции достал свои часы и четко, размеренно произнес:

– Четыре минуты лишние, господин председатель.

II

Валангле ошеломленно взглянул на него.

– Четыре лишние? Что вы хотите этим сказать?

– Я говорю, господин председатель, что десяти минут, которые вы мне отпускаете, не понадобится. Мне нужно шесть и ни минутой больше.

– Вот как! Но, Ленорман... шутить, пожалуй, не ко времени...

Начальник Уголовной полиции подошел к окну и подал знак двум мужчинам, преспокойно прогуливающимся в почетном дворе министерства, потом, вернувшись, сказал:

– Господин генеральный прокурор, соблаговолите подписать ордер на арест человека по имени Дэлэрон, Огюст-Максимен-Филипп, возраст сорок семь лет. Профессию не ука-

зывают.

Он открыл входную дверь.

– Ты можешь войти, Гурель... ты тоже, Дьёзи.

Гурель вошел в сопровождении инспектора Дьёзи.

– У тебя есть наручники, Гурель?

– Да, шеф.

Господин Ленорман подошел к Валангле.

– Господин председатель, все готово. Однако я самым серьезным образом настаиваю, чтобы вы отказались от этого ареста. Он нарушает все мои планы, он может сорвать их и ради пользы, в общем-то ничтожной, может все испортить.

– Господин Ленорман, хочу вам заметить, что у вас осталось всего сорок восемь секунд.

Едва сдержав раздражение, начальник полиции, опираясь на свою трость, прошелся по комнате и с сердитым видом сел, словно решившись молчать, но потом, смирившись, сказал:

– Господин председатель, первый человек, который войдет в этот кабинет, будет тем, чьего ареста вы пожелали... против моей воли, хочу уточнить это.

– Всего пятнадцать секунд, Ленорман.

– Гурель... Дьёзи... Первый человек, не так ли? Господин генеральный прокурор, вы поставили свою подпись?

– Десять секунд, Ленорман.

– Господин председатель, соблаговолите позвонить.

Валангле позвонил.

На пороге появился секретарь, застыв в ожидании.

Валангле повернулся к начальнику полиции.

– Ну что, Ленорман, ждем ваших указаний... Кого должны привести?

– Никого.

– Но тот мошенник, которого вы обещали нам арестовать?

Прошло гораздо больше шести минут.

– Да, но мошенник здесь.

– Как? Я не понимаю, никто не входил.

– Напротив.

– Ах! Ну... Но... позвольте... Ленорман, вы насмехаетесь надо мной... Повторяю, никто не входил.

– Нас было четверо в этом кабинете, господин председатель, теперь нас пятеро. Следовательно, кто-то все-таки вошел.

Валангле подскочил.

– Как? Это безумие!.. Что вы хотите сказать?..

Двое полицейских проскользнули, встав между дверью и секретарем.

Господин Ленорман подошел к секретарю, положил ему руку на плечо и громко произнес:

– Именем закона, Дэлерон, Огюст-Максимен-Филипп, руководитель секретариата в канцелярии Совета, вы арестованы.

Валангле расхохотался:

– А-а, ну и шутник!.. Хороша шутка... Славный Ленор-

ман, у него их много! Браво, Ленорман, давно я так не смеялся...

— Господин генеральный прокурор, не забудьте указать в ордере профессию господина Дэлера, хорошо? Руководитель секретариата в канцелярии Совета...

— Ну конечно... конечно... Руководитель секретариата... в канцелярии Совета... — держась за бока, повторял Валангле. — Ах, у славного Ленормана бывают гениальные находки... Общество требовало ареста... И вот, пожалуйста, он ему швыряет в лицо, и кого? Руководителя моего секретариата... Огюста... образцового служителя... И правда, Ленорман, я знал за вами некоторую склонность к сумасбродству, но не до такой степени, мой дорогой! Какая дерзость!

С самого начала сцены Огюст не шелохнулся и, казалось, не понимал, что происходит вокруг. Его славное лицо верно-го и преданного подчиненного выглядело оторопевшим. Он по очереди переводил взгляд на своих собеседников, с видимым усилием стараясь уловить смысл того, что они говорят.

Господин Ленорман шепнул несколько слов Гурелю, и тот вышел. После чего, подойдя к Огюсту, начальник полиции отчетливо произнес:

— Ничего не поделаешь. Ты попался. Когда партия проиграна, лучше уж раскрыть свои карты. Что ты делал во вторник?

— Я? Ничего. Я был здесь.

— Лжешь. У тебя был выходной. Ты куда-то ходил.

– Действительно... Я припоминаю... Приезжал один приятель из провинции... Мы гуляли в Булонском лесу.

– Приятеля звали Марко. И вы прогулялись в подвалы «Лионского кредита».

– Я! Что за идея!.. Марко? Я не знаю никого с таким именем.

– А это, это ты знаешь? – воскликнул начальник полиции, сунув ему под нос очки с золотыми дужками.

– Да нет... нет... я не ношу очки.

– Нет, носишь, когда идешь в «Лионский кредит» и выдаешь себя за господина Кессельбаха. Эти очки находились в комнате, которую ты снимаешь под именем господина Жерома в доме номер пять по улице Колизей.

– Я, комнату? Я ночую в министерстве.

– Но там ты переодеваешься, чтобы играть разные роли в банде Люпена.

Тот провел рукой по лбу, покрывшемуся потом. Он был бледен, как мертвец.

– Я не понимаю... Вы говорите вещи... такие вещи... – пробормотал он.

– Нужно сказать так, чтобы ты лучше понял? Смотри, вот что нашли среди обрывков бумаг, которые ты бросаешь в корзину под твоим столом прямо здесь, в приемной.

И господин Ленорман расправил листок бланка министерства, на котором в разных местах можно было прочесть написанное неуверенным почерком имя: Рудольф Кессельбах.

– Ну, что ты скажешь на это, бравый служака? Упражнения в подделке подписи господина Кессельбаха, разве это не доказательство?

Удар кулаком прямо в грудь заставил господина Ленормана пошатнуться. Одним прыжком оказавшись у открытого окна, Огюст перемахнул через подоконник и спрыгнул во двор.

– Черт побери! – воскликнул Валангле. – Ах, бандит!

Он позвонил, бросился к окну, хотел позвать на помощь. Господин Ленорман обратился к нему с величайшим спокойствием:

– Не волнуйтесь, господин председатель...

– Но эта каналья Огюст...

– Секунду, прошу вас... Я предвидел подобную развязку... я даже рассчитывал на нее... Лучшего признания и быть не может.

Успокоенный таким хладнокровием, Валангле снова сел на свое место. Через минуту появился Гурель, держа за шиворот господина Дэлера, Огюста-Максимена-Филиппа, именуемого Жеромом, руководителя секретариата в канцелярии Совета.

– Давай, Гурель, – сказал господин Ленорман, как говорят «Апорт!» славному охотничьему псу, который возвращается с дичью в зубах... – Он не сопротивлялся?

– Слегка укусил, но я крепко держал, – отвечал инспектор, продемонстрировав свою огромную, узловатую руку.

– Хорошо, Гурель. А теперь доставь-ка этого парня в каком-нибудь фиакре в тюремную камеру. Не прощаюсь, господин Жером.

Валангле радовался от души. Он со смехом потирал руки. Мысль о том, что руководитель секретариата был одним из сообщников Люпена, казалась ему прелестным и на редкость смешным приключением.

– Bravo, мой дорогой Ленорман, все это восхитительно, но как, однако, вам это удалось?

– О! Наипростейшим образом. Я знал, что господин Кессельбах обращался в агентство Барбарё и что Люпен явился к нему вроде бы от лица этого агентства. Я поискал в этом направлении и обнаружил, что нескромность, проявленная в ущерб господину Кессельбаху и Барбарё, могла быть совершена лишь в пользу так называемого Жерома, приятеля одного из служащих агентства. Если бы вы не приказали мне ускорить события, я проследил бы за секретарем и вышел бы на Марко, а потом и на Люпена.

– Вы добьетесь своего, Ленорман. И нам предстоит присутствовать на самом захватывающем спектакле в мире – борьбе между Люпеном и вами. Я ставлю на вас.

На следующее утро газеты опубликовали такое письмо:

*«Открытое письмо г-ну Ленорману, начальнику
Уголовной полиции.»*

Мои поздравления, милостивый государь и друг, по

поводу ареста секретаря Жерома. Это была отличная работа, хорошо проделанная и достойная вас.

Горячо поздравляю вас с тем искусным способом, каким вам удалось доказать председателю Совета, что я не был убийцей господина Кессельбаха. Ваше доказательство было ясным, логичным, неопровержимым и, что еще важнее, достоверным. Как вам известно, я не убиваю. Спасибо, что установили это и в данном случае. Уважение моих современников и ваше, милостивый государь и друг, мне необходимо.

Взамен позвольте мне содействовать вам в преследовании чудовищного убийцы и оказать помощь в деле Кессельбаха. Дело очень интересное, поверьте мне, настолько интересное и достойное моего внимания, что я покидаю убежище, в котором в течение четырех лет проживал в окружении моих книг и моего славного пса Шерлока – я объявляю сбор всех своих товарищей и снова бросаюсь в схватку.

Как непредсказуемы жизненные повороты! Подумать только, я ваш коллега. Будьте уверены, милостивый государь и друг, что я рад этому и по достоинству ценю такую милость судьбы.

Арсен Люпен.

Постскриптум: Еще одно слово, которое, я не сомневаюсь, заслужит ваше одобрение. Не подобает, чтобы джентльмен, который обладал славной привилегией сражаться под моими знаменами, прозябал на сырой соломе ваших тюрем, поэтому

считаю своим долгом честно предупредить вас, что через пять недель, в пятницу 31 мая, я освобожу господина Жерома, определенного мной на должность руководителя секретариата в канцелярии Совета. Не забудьте дату: пятница, 31 мая. – А. Л.»

Князь Сернин за работой

I

Первый этаж на углу бульвара Осман и улицы Курсель... Именно здесь проживает князь Сернин, один из самых блистательных представителей русской колонии в Париже, чье имя постоянно фигурирует в газетных рубриках «Переезды» и «Курорты».

Одиннадцать часов утра. Князь входит в свой рабочий кабинет. Это мужчина лет тридцати пяти – тридцати восьми, в его темно-русых волосах проглядывают несколько серебряных нитей. У него прекрасный, здоровый цвет лица, пышные усы и очень коротко остриженные бакенбарды, едва проступающие на свежей коже щек.

Он достойно одет: на нем серый редингот, стягивающий талию, и жилет с белой тиковой оборкой.

– Ладно, – сказал князь вполголоса, – я думаю, день будет трудным.

Он открыл дверь в большую комнату, где ожидали несколько человек, и произнес:

– Варнье здесь? Входи же, Варнье.

Мужчина, по виду мелкий буржуа, коренастый, крепкий, прочно стоящий на ногах, откликнулся на его зов. Князь за-

крыл за ним дверь.

– Ну что, как там у тебя, Варнье?

– Все готово на этот вечер, патрон.

– Прекрасно. Расскажи в нескольких словах.

– Так вот. После убийства мужа госпожа Кессельбах, просмотрев буклет, который вы велели ей отправить, выбрала местом жительства уединенный дамский пансион, расположенный в Гарше. Она проживает в глубине сада, в последнем из четырех флигелей, которые дирекция сдает дамам, желающим жить совершенно обособленно от других пансионеров, во флигеле Императрицы.

– Прислуга?

– Ее компаньонка Гертруда, с которой она прибыла через несколько часов после преступления, и сестра Гертруды, Сюзанна, которую вызвали из Монте-Карло, эта служит ей горничной. Обе сестры полностью ей преданны.

– Эдвард, камердинер?

– Она его не оставила. Он вернулся к себе на родину.

– Она с кем-нибудь встречается?

– Ни с кем. Свое время она проводит, лежа на диване.

Выглядит она больной и очень слабой. Много плачет. Вчера следователь провел у нее два часа.

– Хорошо. Теперь о девушке.

– Мадемуазель Женевьева Эрнемон живет по другую сторону дороги... на улочке, которая ведет прямо в поля, третий дом справа. Она держит частную бесплатную школу для

отсталых детей. Ее бабушка, госпожа Эрнемон, живет вместе с ней.

— Судя по тому, что ты мне написал, Женевьева Эрнемон и госпожа Кессельбах познакомились?

— Да. Девушка приходила с просьбой о помощи для своей школы. Должно быть, они друг другу понравились, поскольку вот уже четыре дня они вместе гуляют в парке Вильнёв, к которому примыкает сад пансиона.

— В котором часу они выходят?

— От пяти до шести. Ровно в шесть часов девушка идет в свою школу.

— Итак, ты все устроил?

— На сегодня, на шесть часов. Все готово.

— Никого вокруг не будет?

— В этот час в парке никогда никого не бывает.

— Хорошо. Я там буду. Ступай.

Князь выпустил Варнье через дверь в прихожую и, вернувшись в приемную, позвал:

— Братья Дудвиль.

Вошли два молодых человека, одетых с излишне утонченной элегантностью. У обоих живой взгляд, симпатичный вид.

— Добрый день, Жан. Добрый день, Жак. Что нового в префектуре?

— Ничего особенного, патрон.

— Господин Ленорман по-прежнему вам доверяет?

– По-прежнему. После Гуреля мы его любимые инспекторы. И вот доказательство: он поселил нас в «Палас-отеле», чтобы наблюдать за людьми, проживавшими в коридоре второго этажа в момент убийства Шапмана. Гурель приходит каждое утро, и мы докладываем ему то же, что и вам.

– Прекрасно. Главное, чтобы я был в курсе всего, что делается и говорится в префектуре полиции. Пока Ленорман считает вас своими людьми, я хозяин положения. А в отеле вам удалось обнаружить какой-нибудь след?

Жан Дудвиль, старший, ответил:

– Англичанка, та, что жила в одной из комнат, уехала.

– Эта меня не интересует. У меня свои сведения. Но ее сосед, майор Парбери?

Братья, казалось, смутились. Наконец один из них ответил:

– Сегодня утром майор Парбери приказал, чтобы его багаж отправили на Северный вокзал к поезду в двенадцать пятьдесят, а сам уехал в автомобиле. Мы присутствовали при отправлении поезда. Майор не явился.

– А багаж?

– Он велел забрать его с вокзала.

– Кому?

– Рассыльному, как нам сказали.

– Значит, его след потерян?

– Да.

– Наконец-то! – обрадованно воскликнул князь.

Братья с удивлением взглянули на него.

– Да-да, – молвил он, – наконец хоть какой-то след.

– Вы думаете?

– Безусловно. Убийство Шапмана могло произойти лишь в одной из комнат этого коридора. Именно туда, к сообщнику, убийца господина Кессельбаха привел секретаря и убил его, там он сменил одежду, а сообщник, после того, как убийца ушел, вытащил труп в коридор. Но кто сообщник? То, как исчез майор Парбери, дает основание предполагать, что он в этом деле не посторонний. Скорее сообщите по телефону хорошую новость господину Ленорману или Гурелю. Надо, чтобы в префектуре как можно скорее об этом узнали. Эти господа и я, мы идем рука об руку.

Он дал им еще несколько рекомендаций касательно их двойной роли инспекторов полиции на службе у князя Сернина и отпустил их.

В приемной оставались два посетителя. Князь пригласил одного из них.

– Тысяча извинений, доктор, – сказал он ему. – Я полностью в твоем распоряжении. Как чувствует себя Пьер Ледюк?

– Он умер.

– О! О! – молвил Сернин. – Я этого ожидал после твоих утренних слов. И все-таки бедняга протянул недолго...

– Он был совсем плох. Потерял сознание, и конец.

– Он ничего не сказал?

– Нет.

– Ты уверен, что с того дня, как мы вместе выбрали его под столиком кафе в Бельвиле, ты уверен, что никто в твоей клинике не заподозрил, что он и есть тот самый Пьер Ледюк, которого разыскивает полиция, тот таинственный Пьер Ледюк, которого Кессельбах хотел отыскать любой ценой?

– Никто. Ледюк занимал отдельную палату. Кроме того, я наложил на его левую руку повязку, чтобы нельзя было увидеть пораненный мизинец. Что же до шрама на щеке, то под бородой его не видно.

– И ты сам наблюдал за ним?

– Самолично. И, согласно вашим инструкциям, чтобы расспросить его, я пользовался каждой минутой, когда он казался в разуме. Но я не смог добиться ничего, кроме невнятных бормотаний.

Князь задумчиво прошептал:

– Мертв... Пьер Ледюк мертв... Все дело Кессельбаха, безусловно, держалось на нем, и вот теперь... теперь он исчезает... без единого откровения, без единого слова о нем самом, о его прошлом... Надо ли ввязываться в эту авантюру, в которой я пока ничего не понимаю? Это опасно... Я могу погореть...

Подумав с минуту, он воскликнул:

– Что ж, тем хуже! Я все-таки рискну. То, что Пьер Ледюк мертв, вовсе не повод, чтобы я отказался от партии. Напротив! Случай слишком уж соблазнительный. Пьер Ледюк

умер. Да здравствует Пьер Ледюк!.. Ступай, доктор. Возвращайся к себе. Сегодня вечером я тебе позвоню.

Доктор ушел.

– Давай к делу, Филипп, – обратился Сернин к последнему посетителю, невысокому мужчине с седыми волосами, одетому как служащий отеля, но десятиразрядного, самого дешевого.

– Патрон, – начал Филипп, – напомним вам, что на прошлой неделе вы устроили меня служащим в отель «Дёз Ампрёр» в Версале, чтобы следить за одним молодым человеком.

– Ну да, я знаю... За Жераром Бопре. Как он?

– Исчерпал все свои ресурсы.

– По-прежнему мрачные мысли?

– По-прежнему. Хочет убить себя.

– Это серьезно?

– Очень серьезно. В его бумагах я нашел эту маленькую записочку карандашом.

– Ах так! – молвил Сернин, прочитав записку. – Он объявляет о своей смерти... и это намечено на сегодняшний вечер!

– Да, патрон, веревка куплена и крюк уже в потолке. Так вот, когда я, по вашему указанию, разговаривал с ним, он поведал мне о своем отчаянии, и я посоветовал ему обратиться к вам. «Князь Сернин богат, – сказал я ему, – он щедр, возможно, он вам поможет».

– Все это прекрасно. Значит, он должен прийти?

– Он здесь.

– Откуда ты знаешь?

– Я следил за ним. Он сел на парижский поезд и теперь прогуливается вдоль бульвара. С минуты на минуту он решится.

В это мгновение слуга принес визитную карточку. Прочитав ее, князь сказал:

– Пригласите господина Жерара Бодре.

И обратился к Филиппу:

– Пройди в этот кабинет, слушай и не шевелись.

Оставшись один, князь прошептал:

– Решусь ли я? Сама судьба посылает мне его...

Через несколько минут вошел высокий молодой человек, светловолосый, худощавый, с истощенным лицом, с горящим взором, смущенный, он в нерешительности остановился на пороге в позе нищего, который хотел бы протянуть руку, но не решается.

Разговор был коротким.

– Это вы господин Жерар Бодре?

– Да... да... это я.

– Я не имею чести...

– Дело в том... сударь... дело в том... Мне сказали...

– Кто сказал?

– Один человек в отеле... который уверяет, что служил у вас...

– Короче?..

– Так вот...

Оробев, молодой человек умолк, потрясенный высокомерным поведением князя. А тот воскликнул:

– Однако, сударь, быть может, вы все-таки...

– Так вот, сударь... мне сказали, что вы очень богаты и щедры... И я подумал, не сможете ли вы...

Он остановился, не в силах произнести слова мольбы и унижения.

Сернин подошел к нему.

– Господин Жерар Бопре, не вы ли опубликовали томик стихов под названием «Улыбка весны»?

– Да, да! – воскликнул молодой человек, лицо которого просияло. – Вы читали?

– Да... Очень милые стихи... очень милые... Только неужели вы собираетесь жить на то, что за них получаете?

– Конечно... Рано... или поздно...

– Рано или поздно... скорее поздно, не так ли? А пока вы приходите ко мне, чтобы попросить на жизнь?

– На еду, сударь.

Положив гостю руку на плечо, Сернин холодно произнес:

– Поэты не едят, сударь. Они питаются рифмами и мечтами. Так и поступайте. Это лучше, чем ходить с протянутой рукой.

Услышав оскорбления, молодой человек вздрогнул. Не говоря ни слова, он поспешно направился к двери.

Сернин остановил его.

– Еще одно слово, сударь. У вас не осталось ни малейшей возможности?

– Ни малейшей.

– И вы ни на что не рассчитываете?

– У меня есть надежда... Я написал одному из своих родственников, умоляя его хоть что-то прислать мне. Сегодня я получу его ответ. Это последний шанс.

– А если вы не получите ответа, то наверняка готовы сегодня же вечером...

– Да, сударь.

Это было сказано просто и ясно.

Сернин расхохотался.

– Боже! Какой же вы смешной, славный молодой человек! И какая простодушная убежденность! Приходите ко мне на следующий год, хотите?.. Мы снова поговорим обо всем... Это так любопытно, так интересно... а главное, так смешно... ха, ха, ха!

И, сотрясаясь от смеха, с нарочитыми поклонами Сернин выставил его за дверь.

– Филипп, – обратился он к служащему отеля, открыв ему дверь, – ты слышал?

– Да, патрон.

– Жерар Бопре ждет сегодня к вечеру телеграмму, обещающие помощи...

– Его последний шанс.

- Нельзя допустить, чтобы он получил эту телеграмму. Если она придет, сразу заведи ее и разорви.
- Хорошо, патрон.
- Ты один в отеле?
- Да, один, с кухаркой, которая не ночует. Хозяин отсутствует.
- Хорошо. Хозяева, значит, мы. До вечера, где-то около одиннадцати. Ступай.

II

Князь Сернин прошел в свою спальню и позвонил слуге.

– Мои перчатки, шляпу и трость. Автомобиль на месте?

– Да, сударь.

Одевшись, князь вышел из дома и расположился в просторном и удобном лимузине, который доставил его в Булонский лес к маркизу и маркизе де Гастин, куда он был зван на обед.

В половине третьего Сернин покинул своих хозяев, отправился на проспект Клебер, забрал двоих своих друзей и доктора и без пяти три прибыл в парк де Пренс.

В три часа он сражался на саблях с итальянским капитаном Спинелли, в первой же схватке порезав ухо своему противнику, а без четверти четыре в клубе на улице Камбон метал банк, после чего удалился в двадцать минут шестого с выручкой в сорок семь тысяч франков.

И все это без спешки, с некой высокомерной беспечностью, словно бешеное движение, ввергавшее, казалось, его жизнь в водоворот поступков и событий, было непреложным правилом самых безмятежных дней.

– Октав, – обратился он к своему шоферу, – мы едем в Гарш.

И без десяти шесть Сернин вышел у старых стен Вильнёвского парка.

Ныне раздробленное и разоренное, Вильнёвское владение еще сохраняет что-то от великолепия, которое оно знавало во времена императрицы Евгении. Со своими старыми деревьями, озером, лесным горизонтом Сен-Клу пейзаж излучает очарование и грусть.

Значительная часть владения была отдана Институту Пастера. Меньшая доля, отделенная от первой пространством для публики, образует все еще довольно обширную усадьбу, где вокруг пансиона стоят четыре уединенных флигеля.

– Это там живет госпожа Кессельбах, – сказал себе князь, увидев издалека крыши пансиона и четырех строений.

Он пересек парк и направился к озеру.

Внезапно он остановился за купой деревьев, заметив двух дам, облокотившихся на парапет моста, перекинутого через озеро.

«Варнье и его люди должны находиться поблизости. Но, черт возьми, они здорово прячутся. Сколько бы я ни ис-

кал...»

Обе дамы ступали теперь по траве лужаек под большими почтенными деревьями. Синева небес проглядывала меж веток, которые покачивал легкий ветерок, в воздухе веяло запахами весны и молодой зелени.

По склонам холма к неподвижной воде спускались маргаритки, фиалки, нарциссы, ландыши, все апрельские и майские цветочки, собравшись вместе, то тут, то там образовывали что-то вроде созвездий разных цветов. Солнце клонилось к горизонту.

И вдруг из кустов внезапно появились трое мужчин и направились к прогуливающимся дамам.

Они подошли к ним вплотную, обменялись несколькими словами. Обе дамы выглядели испуганными. Один из мужчин приблизился к той, что поменьше ростом, и попытался выхватить у нее золотой кошелек, который она держала в руках.

Дамы закричали, и трое мужчин набросились на них.

– Самое время действовать, – сказал себе князь. И кинулся вперед.

За десять секунд он почти достиг кромки воды.

При его появлении трое мужчин убежали.

– Бегите, бродяги, – усмехнулся он, – удирайте со всех ног. Из воды вынырнул спаситель.

Он было устремился вслед за мужчинами, но одна из дам взмолилась:

– О, сударь! Прошу вас... Моей подруге плохо.

Та, что была поменьше ростом, действительно упала на траву, потеряв сознание.

Вернувшись назад, Сернин в тревоге спросил:

– Она не ранена? Эти несчастные не...

– Нет... нет... это всего лишь страх... волнение... И потом... вы должны понять... эта дама – госпожа Кессельбах...

– О! – молвил князь и протянул флакон с нюхательной солью, который молодая женщина тотчас поднесла своей подруге. Сернин добавил:

– Приподнимите аметист, который служит пробкой... Там маленькое отделение, а в нем таблетки. Пусть мадам примет одну... одну, не больше... это очень сильное средство...

Он смотрел, как молодая женщина ухаживает за своей подругой. Светловолосая, с виду очень скромная, лицо серьезное и ласковое – улыбка оживляла его черты, даже когда она не улыбалась.

«Это Женестьева», – подумал он.

И взволнованно повторил про себя:

«Женестьева... Женестьева...»

Между тем госпожа Кессельбах понемногу приходила в себя. Сначала, удивившись, она, казалось, не понимала, что произошло. Потом память вернулась к ней, и кивком головы она поблагодарила своего спасителя.

Тогда он с глубоким поклоном произнес:

– Позвольте представиться... Князь Сернин.

Она сказала тихим голосом:

– Я не знаю, как выразить вам мою признательность.

– Не выражая ее, мадам. Это случай надо благодарить, случай, который привел меня сюда на прогулку. Могу я предложить вам руку?

Через несколько минут госпожа Кессельбах звонила в дверь пансиона, обращаясь тем временем к князю:

– Я попросила бы вас еще об одной услуге, сударь. Не рассказывайте никому об этом нападении.

– Но, мадам, это было бы единственным способом узнать...

– Чтобы узнать, понадобится расследование, а это опять шум вокруг меня, допросы, усталость. У меня нет больше сил.

Князь не настаивал. Он откланялся, спросив:

– Вы позволите справиться о вашем здоровье?

– Ну конечно...

Она поцеловала Женевьеву и удалилась.

Между тем начинало смеркаться. Сернин не хотел, чтобы Женевьева возвращалась одна. Но не успели они свернуть на тропинку, как из темноты навстречу им выступил силуэт.

– Бабушка! – воскликнула Женевьева.

Она бросилась в объятия старой женщины, которая крепко расцеловала ее.

– Ах, дорогая моя, дорогая, что случилось? Ты так опоздала, ты, такая точная!

Женевьева представила:

– Госпожа Эрнемон, моя бабушка, князь Сернин...

Потом она рассказала о случившемся, а госпожа Эрнемон не переставала повторять:

– О, моя дорогая... Боже, как ты, верно, испугалась!.. Сударь, я... Я никогда не забуду... клянусь вам... Но как ты, должно быть, испугалась, дорогая моя бедняжка!

– Ну, будет, бабушка, успокойся, ведь я же здесь...

– Да, но страх мог навредить тебе... Никогда неизвестны последствия... О, это ужасно!..

Они прошли вдоль живой изгороди, через которую видно было засаженный деревьями двор, несколько цветников, крытую галерею и белый дом.

За домом, под сенью зарослей бузины, расположенных туннелем, открывалась невысокая ограда.

Старая женщина пригласила князя Сернина войти и отвела его в маленькую гостиную, служившую одновременно и школьной приемной.

Женевьева попросила у князя разрешения ненадолго отлучиться, чтобы взглянуть на своих учениц, то было время их ужина.

Князь и госпожа Эрнемон остались одни.

Лицо старой дамы под седыми волосами, расчесанными на прямой пробор и заканчивающимися двумя буклями, было печальным и бледным. Чересчур основательная, с тяже-

лой походкой, она, несмотря на внешность почтенной дамы, казалась чуточку вульгарной, хотя глаза у нее были бесконечно добрыми.

Она в беспокойстве наводила порядок на столе, когда князь Сернин подошел к ней, обхватил ее голову руками и расцеловал в обе щеки.

– Ну что, старая, как ты живешь?

Она остолбенела, разинув рот.

Князь снова со смехом расцеловал ее.

Она пробормотала:

– Ты? Это ты! Ах! Иисус-Мария... Иисус-Мария... Возможно ли это!.. Иисус-Мария!..

– Славная моя Виктория!

– Не называй меня так! – воскликнула она, вздрогнув. – Виктория умерла... Твоей старой кормилицы больше нет... Я целиком принадлежу Женевьеве...

И она добавила тихим голосом:

– Ах, Иисусе... Я, конечно, читала твое имя в газетах... Так это правда, ты возвращаешься к своей скверной жизни?

– Как видишь.

– А ведь ты мне поклялся, что с этим покончено, что ты уезжаешь навсегда, что хочешь стать честным.

– Я пробовал. Вот уже четыре года, как пробую... Ты ведь не будешь утверждать, что в течение этих четырех лет я заставил о себе говорить?

– И что?

– А то, что мне стало скучно.

Она вздохнула:

– Все такой же... ты не изменился... Ах, все кончено, ты никогда не изменишься... Стало быть, ты причастен к делу Кессельбаха?

– Черт побери! Иначе я не стал бы утруждаться и устраивать нападение на госпожу Кессельбах в шесть часов, чтобы в пять минут седьмого иметь возможность вырвать ее из когтей моих людей! Спасенная мною, она будет вынуждена принимать меня. И вот я на месте, в центре событий и, защищая вдову, изучаю окрестности. А что ты хочешь, если жизнь, которую я веду, не позволяет мне прохлаждаться и следовать мелочным житейским правилам. Мне нужны потрясающие эффекты, оглушительные победы.

В растерянности глядя на него, она прошептала:

– Понимаю... понимаю... Все это ложь... Но в таком случае... Женевьева...

– Э-э! Одним ударом двух зайцев. Подготовить спасение, и дело сделано. Подумай, сколько мне понадобилось бы времени, усилий, возможно, бесполезных, чтобы проникнуть в жизнь этой девочки? Чем я был для нее? И кем еще стал бы? Незнакомец... чужой. А теперь я – спаситель. Через час стану... другом.

Она задрожала.

– Значит... ты не спас Женевьеву... Значит, ты собираешься втянуть нас в свои махинации...

И вдруг, с возмущением вцепившись в него, она произнесла:

– Так вот нет, с меня довольно, слышишь? Однажды ты привел ко мне эту малышку со словами: «Держи, я поручаю ее тебе... Ее родители умерли... возьми ее под свою защиту».

Собравшись с силами, сжав кулаки, госпожа Эрнемон, исполненная решимости, казалось, готова была ко всему.

Без грубости, не спеша, князь Сернин одну за другой отвел сжимавшие его руки, взял старую даму за плечи, усадил в кресло и, наклонившись к ней, очень спокойно произнес:

– Хватит!

Она заплакала, тотчас смирившись, и, сложив руки, взмолилась:

– Прошу тебя, оставь нас в покое. Мы были так счастливы! Я думала, что ты о нас забыл, и благодарила небо за каждый прожитый день. Ну да... я по-прежнему очень тебя люблю. Но Женевьева... Видишь ли, я не знаю, что я готова сделать для этой девочки. Она заняла твое место в моем сердце.

– Я заметил, – со смехом сказал он. – Ты с удовольствием послала бы меня к черту. Ладно, довольно глупостей! Я не могу терять времени. Мне надо поговорить с Женевьевой.

– Ты будешь говорить с ней!

– А что, это преступление?

– И что же ты хочешь ей сказать?

– Один секрет... очень важный секрет... очень трогатель-

ный...

Старая дама пришла в смятение:

– И который, возможно, причинит ей боль? О! Я всего боюсь... я всего боюсь для нее...

– А вот и она.

– Нет, еще нет.

– Да, да, я слышу ее шаги... Вытри глаза и будь разумной.

– Послушай, – с живостью сказала госпожа Эрнемон, – послушай, я не знаю, какие слова ты скажешь, какой секрет собираешься открыть этой девочке, которую ты не знаешь... Но я, я-то ее знаю, и вот что я скажу тебе: Женевьева стойкая натура, сильная, но очень чувствительная. Осторожней со словами... Ты можешь ранить ее чувства... о которых понятия не имеешь.

– Да почему, Боже мой?

– Потому что она не твоей, другой породы, другого мира... Я говорю о другом моральном мире... Есть вещи, которых тебе не дано понять. Препятствие между вами двумя непреодолимо... У Женевьевы совесть чистейшая и высочайшая... а ты...

– А я?

– А ты человек нечестный.

III

Вошла Женевьева, такая прелестная и оживленная.

– Все мои малышки в дортуаре, у меня десять минут передышки... Бабушка, в чем дело? У тебя такое странное лицо... Опять все та же история?

– Нет, мадемуазель, – сказал Сернин, – думаю, мне, к счастью, удалось успокоить вашу бабушку. Но мы говорили о вас, о вашем детстве, и, похоже, эту тему ваша бабушка не может затрагивать без волнения.

– О моем детстве? – Женестьева покраснела. – О, бабушка!

– Не ругайте ее, мадемуазель, случай направил разговор в эту сторону. Оказалось, что я часто проезжал мимо деревушки, где вы выросли.

– Аспремон?

– Аспремон, возле Ниццы. Вы жили там в новом доме, совершенно белом...

– Да, – сказала она, – в белом доме с окнами, обведенными синим... Я была очень маленькой, Аспремон я покинула в семь лет, но помню мельчайшие подробности того времени. И я не забыла сияния солнца на белом фасаде, и эвкалипт в глубине сада...

– В глубине сада, мадемуазель, росли оливковые деревья, под одним из них стоял стол, за которым в жаркие дни работала ваша матушка.

– Это правда, правда, – взволнованно произнесла она, – а я играла рядом...

– Именно там, – продолжал князь, – я несколько раз видел вашу мать... Увидев вас, я сразу же узнал ее образ... только

более радостный, счастливый.

– Да, моя бедная матушка не была счастлива. Отец умер как раз в день моего рождения, и ничто не могло ее утешить. Она много плакала. От того времени у меня сохранился маленький носовой платок, которым я вытирала ее слезы.

– Маленький носовой платок с розовым рисунком.

– Как! – удивленно воскликнула она. – Вы знаете...

– Однажды я присутствовал при том, как вы ее утешали...

Вы так мило ее утешали, что сцена отчетливо сохранилась в моей памяти.

Женевьева пристально взгляделась в него и едва слышно прошептала:

– Да... да... мне кажется... Выражение ваших глаз... и звук вашего голоса...

На мгновение она закрыла глаза и сосредоточилась, словно безуспешно пыталась поймать ускользавшее воспоминание. Потом продолжала:

– Значит, вы знали матушку?

– Рядом с Аспремоном жили мои друзья, у которых я ее встречал. В последний раз она показалась мне особенно печальной и бледной, а когда я вернулся...

– Все было кончено, да? – сказала Женевьева. – Да, она ушла очень быстро... за несколько недель... Я оставалась с соседями, которые заботились о ней... И вот однажды утром ее унесли... А вечером того дня кто-то пришел, когда я спала, взял меня на руки, закутал в одеяло...

– Мужчина? – спросил князь.

– Да, какой-то мужчина. Он говорил со мной тихонько и очень ласково... его голос успокаивал меня... И унося меня по дороге, а потом в автомобиле, ночью, он укачивал меня и рассказывал мне сказки... таким же голосом... таким же голосом...

Она умолкла и снова посмотрела на князя, еще более пристально, с явным усилием пытаюсь постичь мимолетное впечатление, не оставлявшее ее.

– А после? – спросил он. – Куда вас отвезли?

– Тут воспоминание у меня смутное... Как будто я проспала несколько дней... Я вспоминаю себя лишь в вандейском селении, где я провела вторую половину моего детства. Это было в Монтегю, у папаши и матушки Изеро, славных людей, которые кормили меня, воспитывали. Их преданность и ласку я никогда не забуду.

– И они тоже умерли?

– Да, – отвечала она, – эпидемия тифа в том районе... Но я узнала об этом лишь позже... С самого начала их болезни меня увезли, как и в первый раз, при тех же обстоятельствах, ночью кто-то завернул меня в одеяло... Только я была уже побольше, я отбивалась, хотела закричать... и ему пришлось закрыть мне рот шарфом.

– Сколько лет вам было?

– Четырнадцать... Прошло уже четыре года.

– Значит, тогда вы смогли разглядеть этого человека?

– Нет, он скрывал свое лицо и не сказал мне ни слова... Однако я всегда думала, что это тот же самый человек... поскольку сохранила воспоминания о такой же заботе, тех же внимательных, осторожных жестах.

– А потом?

– Потом, как и прежде, забвение, сон... Только на этот раз я заболела, похоже, у меня была лихорадка... Проснулась я в приятной светлой комнате. Надо мной склонилась дама с седыми волосами и улыбнулась мне. Это была бабушка... А комната – та, которую я сейчас занимаю наверху.

Лицо ее снова обрело счастливое, прелестное, светлое выражение, и она с улыбкой закончила:

– Вот так госпожа Эрнемон нашла меня однажды вечером у себя на пороге спящей, вот так подобрала меня и стала моей бабушкой, вот так после некоторых испытаний маленькая аспремонская девочка наслаждается теперь радостями спокойного существования и учит вычислению и грамоте маленьких девочек, непослушных или ленивых... но они очень любят ее.

Женевьева говорила весело, тоном серьезным и вместе с тем жизнерадостным, в ней чувствовалась уравновешенность рассудительной натуры.

Сернин слушал ее со всевозрастающим удивлением, даже не пытаясь скрыть своего волнения.

– С тех пор вы никогда не слышали о том человеке? – спросил он.

– Никогда.

– А вы были бы рады снова его увидеть?

– Да, очень рада.

– Так вот, мадемуазель...

Женевьева вздрогнула.

– Вы что-то знаете... может быть, правду...

– Нет... нет... Только...

Сернин встал и прошелся по комнате. Время от времени его взгляд останавливался на Женевьеве, и казалось, что князь готов более определенно ответить на заданный ему вопрос. Заговорит ли он?

Госпожа Эрнемон с тревогой ждала раскрытия того секрета, что мог смутить покой девушки.

Сернин снова сел рядом с Женевьевой, похоже, он все еще колебался и наконец сказал:

– Нет... нет... У меня мелькнула одна мысль... воспоминания...

– Воспоминания?... Какие?

– Я ошибся. Были в вашем рассказе некоторые подробности, которые ввели меня в заблуждение.

– Вы в этом уверены?

Он снова заколебался, потом подтвердил:

– Абсолютно уверен.

– Ах! – разочарованно молвила она. – Мне показалось... что вы знаете...

Она замолчала, дожидаясь ответа на тот не до конца яс-

ный вопрос, который ему задала.

Сернин тоже молчал. Тогда, не настаивая дальше, Жене-вьева наклонилась к госпоже Эрнемон.

– Доброго вечера, бабушка, мои малышки, должно быть, уже в постели, но никто из них не сможет заснуть, пока я их не поцелую.

Она протянула руку князю.

– Еще раз спасибо...

– Вы уходите? – живо отозвался он.

– Извините меня, бабушка вас проводит...

Уже открывая дверь, она обернулась, улыбнувшись.

Потом исчезла.

Князь, замерев, слушал шум ее удаляющихся шагов. Он побледнел от волнения.

– Итак, – сказала старая дама, – ты ничего не сказал.

– Нет...

– Этот секрет...

– Позже... Сегодня... как странно... я не смог.

– Неужели это так трудно? Разве она не почувствовала, что ты и был тем незнакомцем, который дважды увозил ее?.. Довольно было одного слова...

– Позже... позже... – сказал он, вновь обретая свою уверенность. – Пойми же... Эта девочка едва меня знает... Сначала надо, чтобы я завоевал право на ее привязанность, ее нежность... Когда я обеспечу ей существование, которого она заслуживает, чудесное существование, какое встречает-

ся в волшебных сказках, вот тогда я заговорю.

Старая дама покачала головой.

– Боюсь, что ты ошибаешься... Женестьева не нуждается в чудесном существовании... У нее нехитрые пристрастия.

– У нее пристрастия, свойственные всем женщинам, и богатство, роскошь, могущество доставляют радости, от которых ни одна из них не откажется.

– Но не Женестьева. И лучше бы ты...

– Посмотрим. А пока предоставь действовать мне. И успокойся. У меня нет ни малейшего намерения втягивать Женестьеву в какие-то, как ты выражаешься, махинации. Она едва будет меня видеть. Только надо же было установить связь... Дело сделано... Прощай.

Сернин вышел из школы и направился к своему автомобилю.

Он был так счастлив.

«Она очаровательна... и такая ласковая, такая серьезная! Глаза ее матери, те самые глаза, которые волновали меня до слез... Боже мой, как все это далеко! И какое прелестное воспоминание... немного грустное, но такое прелестное!»

И вслух произнес:

– Да, конечно, я займусь ее счастьем. Причем немедленно! Сегодня же вечером! Сегодня же вечером она, безусловно, получит жениха! А разве это не обязательное условие для счастья девушек?

IV

Свой автомобиль он нашел на большой дороге.

– Домой, – сказал он Октаву.

Дома он попросил соединить его по телефону с Нёйи, продиктовал свои инструкции тому из своих друзей, кого называл доктором, затем оделся.

Поехал он в клубе на улице Камбон, провел час в Опере и снова сел в автомобиль.

– В Нёйи, Октав. Мы поедем за доктором. Который час?

– Половина одиннадцатого.

– Черт! Поторопись!

Через десять минут автомобиль остановился в конце бульвара Инкерманн перед уединенной виллой. По сигналу гудка вышел доктор. Князь спросил его:

– Тип готов?

– Запакован, связан, запечатан.

– В хорошем состоянии?

– В отличном. Если все пройдет, как вы мне говорили по телефону, полиция ничего не заподозрит.

– Такова ее обязанность. Погрузим его.

Они перенесли в автомобиль что-то вроде длинного мешка, имевшего форму человека и казавшегося довольно тяжелым...

– В Версаль, Октав, на улицу Вилен, к отелю «Дёз-Ам-

прёр».

– Но этот отель пользуется дурной славой, – заметил доктор, – я его знаю.

– Кому ты это говоришь? И работа предстоит не из легких, по крайней мере, для меня... Но, черт возьми, я не променяю свою судьбу ни на какую другую! Кто это уверял, что жизнь однообразна?

Отель «Дёз-Ампрёр»... грязная аллея... две ступеньки вниз, и вот они входят в коридор, освещенный единственной лампой.

Сернин кулаком стучит в маленькую дверь. Появляется служащий. Это Филипп, тот самый, которому утром князь давал указания относительно Жерара Бодре.

– Он по-прежнему здесь? – спросил князь.

– Да.

– Веревка?

– Петля готова.

– Он не получил телеграммы, на которую надеялся?

– Вот она, я ее перехватил.

Сернин взял голубой листок и прочитал.

– Черт возьми, – с удовлетворением сказал он, – мы вовремя. Ему обещали на завтра тысячу франков. Значит, судьба мне благоприятствует. Без четверти двенадцать. Через четверть часа бедняга кинется в вечность. Проводи меня, Филипп. Доктор, оставайся здесь.

Служащий взял свечу. Поднявшись на четвертый этаж,

они на цыпочках проследовали по низкому вонючему коридору с мансардами, который вел на деревянную лестницу, где плесневели остатки ковра.

– Никто не сможет меня услышать? – спросил Сернин.

– Никто. Две комнаты изолированы. Но не ошибитесь, он в той, что слева.

– Хорошо. Теперь спускайся обратно. В полночь доктор, Октав и ты принесете того типа сюда, где мы находимся, и будете ждать.

Деревянная лестница состояла из десяти ступенек, которые князь преодолел с величайшими предосторожностями... Наверху – площадка и две двери... Сернину понадобились долгие пять минут, чтобы открыть ту, что справа, не нарушив скрипом тишину.

Во мраке комнаты мерцал свет. На ощупь, чтобы не наткнуться на стулья, он направился к этому свету, который исходил из соседней комнаты, проникая через застекленную дверь, покрытую куском обоев.

Князь отодвинул этот кусок. Стекла были матовые, но местами попорченные и поцарапанные, так что, приложив глаз, можно было спокойно видеть все, что происходит в другой комнате.

Там находился мужчина, сидевший у стола лицом к Сернину. Это был Жерар Боппе.

Он писал при свете свечи.

Над ним висела веревка, привязанная к крюку на потолке.

На нижнем ее конце закруглялась петля.

Донесся слабый бой городских часов.

«Без пяти двенадцать, – подумал Сернин. – Еще пять минут».

Молодой человек по-прежнему писал. Через минуту он отложил перо, собрал десять или двенадцать исписанных им листков бумаги и стал их перечитывать.

Это чтение ему, по-видимому, не понравилось, поскольку на лице его появилось недовольное выражение. Разорвав свою рукопись, он принялся сжигать листок за листком в пламени свечи.

Потом дрожащей рукой он начертал несколько слов на чистом листе, резко поставил подпись и встал.

Однако, увидев в десяти дюймах над своей головой веревку, задрожал от ужаса и снова сел.

Сернин отчетливо видел его бледное лицо, худые щеки, к которым молодой человек прижимал стиснутые кулаки. Скатилась слеза, одна-единственная, медленно и безутешно. Глаза уставились в пустоту, глаза, страшные в своем унынии, казалось, уже созерцали ужасное небытие.

А лицо было такое юное! Щеки, еще такие нежные, не изборожденные шрамами, ни одной морщинки! И голубые глаза, светившиеся голубизной восточного неба.

Полночь... двенадцать трагических ударов полночи, с которыми столько отчаявшихся связывали последнее мгновение своего существования!

На двенадцатом ударе молодой человек снова встал и на этот раз отважно, без дрожи, взглянул на зловещую веревку. Он даже попытался улыбнуться – несчастная улыбка, жалкая гримаса осужденного, которого уже настигла смерть.

Он быстро поднялся на стул и взялся рукой за веревку.

Мгновение он стоял неподвижно, но не потому что колебался или ему не хватало смелости, это был последний смертный миг, минута милости, которую даруют себе перед роковым жестом.

Он обвел взглядом гнусную комнату, куда привела его злосчастная судьба. Уродливые обои на стенах, жалкая кровать.

На столе ни одной книги: все было продано. Ни одной фотографии, ни одного почтового конверта! У него не было больше ни отца, ни матери, не было больше семьи... Что его связывало с существованием? Ничто и никто.

Резким движением он сунул голову в петлю и стал тянуть веревку, пока петля не сжала крепко его шею.

И, опрокинув двумя ногами стул, он ринулся в пустоту.

V

Прошли десять секунд, двадцать, чудовищные, нескончаемые двадцать секунд... По телу пробежали две-три судороги. Ноги инстинктивно пытались найти точку опоры. И все замерло...

Еще несколько секунд... Маленькая застекленная дверь отворилась.

Вошел Сернин.

Без малейшей спешки он взял листок бумаги, на котором молодой человек поставил свою подпись, и прочитал:

Устав от жизни, больной, без денег, я убиваю себя.

В моей смерти прошу никого не винить.

30 апреля. Жерар Боппе.

Оставив записку на столе на самом виду, Сернин подошел к стулу и подставил его под ноги молодого человека. Сам он взобрался на стол и, тесно прижимая тело к себе, приподнял его, расширил петлю и снял ее с шеи.

Тело обмякло в его руках. Сернин дал ему соскользнуть вдоль стола и, спрыгнув на пол, положил самоубийцу на кровать.

Потом, все так же хладнокровно, приоткрыл входную дверь.

– Вы здесь, все трое? – прошептал он.

Снизу, с деревянной лестницы, кто-то ответил:

– Мы здесь. Поднимать наш груз?

– Давайте.

Он взял свечу и посветил им.

Трое мужчин с трудом поднялись по лестнице с мешком, в котором находился человек.

– Кладите его сюда, – сказал Сернин, указав на стол.

Перочинным ножом он разрезал веревки, стягивавшие

мешок. Показалась белая простыня, которую он раздвинул.

В простыню был завернут труп, труп Пьера Ледюка.

– Бедняга Пьер Ледюк, – сказал Сернин, – ты никогда не узнаешь, что потерял, умерев таким молодым! Я повел бы тебя далеко, голубчик. Ладно, обойдемся без твоих услуг... Давай, Филипп, влезай на стол, а ты, Октав, – на стул. Приподнимите ему голову и наденьте петлю.

Через две минуты тело Пьера Ледюка раскачивалось на веревке.

– Прекрасно, подмена трупов – это не так уж трудно. Теперь все вы можете уходить. Ты, доктор, зайдешь сюда завтра утром, узнаешь о самоубийстве господина Жерара Бопре, слышишь, Жерара Бопре – вот его прощальное письмо, – велишь вызвать судебно-медицинского эксперта и комиссара и устроишь все так, чтобы ни тот, ни другой не заметили, что у покойного шрам на щеке и один палец обрублен...

– Легко.

– И ты сделаешь так, чтобы протокол был составлен на месте и под твою диктовку.

– Легко.

– Наконец, не дай отправить его в морг, и пусть сразу же выдадут разрешение на погребение.

– Это не так легко.

– Попытайся. Этого ты осмотрел?

Он показал на молодого человека, неподвижно лежавшего на кровати.

– Да, – сказал доктор. – Дыхание восстанавливается. Но риск был велик... Сонная артерия могла...

– Кто не рискует... Когда он придет в сознание?

– Через несколько минут.

– Хорошо. А-а, не уходи пока, доктор. Оставайся внизу. Твоя роль сегодня еще не кончена.

Оставшись один, князь закурил сигарету, преспокойно пуская к потолку колечки голубого дыма.

Слабый вздох вывел его из задумчивости. Он подошел к кровати. Молодой человек зашевелился, грудь его резко поднималась и опускалась, как у спящего под влиянием кошмара.

Он поднес руки к горлу, словно испытывал боль, и этот жест вдруг оживил его, испуганного, трепещущего...

Тут он увидел перед собой Сернина.

– Вы! – прошептал он, не понимая. – Вы!..

Он тупо смотрел на него, словно увидел призрака.

Потом снова коснулся горла, потрогал шею, затылок... И вдруг хрипло вскрикнул, безумный ужас расширил его глаза, поднял волосы на голове, встряхнул его целиком, словно древесный лист! Князь отошел в сторону, и молодой человек увидел на веревке повешенного!

Он отпрянул к стене. Этот мужчина, этот повешенный, да это же он! Это он сам. Он умер и видит себя мертвым! Ужасный сон, который следует после кончины?.. Галлюцинация тех, кого уже нет и чей потрясенный мозг еще трепе-

щет остатками жизни?..

Он стал размахивать руками. На мгновение показалось, будто он защищается от гнусного видения. Потом, в изнеможении, сломленный во второй раз, он потерял сознание.

– Чудесно, – усмехнулся князь. – Чувствительная натура... впечатлительная... Сейчас мозг в растерянности. Ладно, момент благоприятный... Если я не улажу дело за двадцать минут, он от меня ускользнет...

Толкнув дверь, разделявшую две мансарды, князь вернулся к кровати, поднял молодого человека и перенес его на кровать в соседнюю комнату.

Потом он смочил ему виски холодной водой и поднес нюхательную соль.

На сей раз обморок продлился недолго.

Жерар боязливо приоткрыл веки и поднял взгляд к потолку. Видение исчезло.

Но расположение мебели, стола и камина, некоторые другие детали, все его удивляло – и потом, воспоминание о его поступке... боль, которую он ощущал в горле...

– Я видел сон, не так ли? – спросил он князя.

– Нет.

– Как нет?

И вдруг Жерар окончательно вспомнил:

– Ах! Это правда, я припоминаю... Я хотел умереть... и даже...

Он в тревоге наклонился:

– Но остальное? Видение?

– Какое видение?

– Мужчина... веревка... это тоже сон?..

– Нет, – ответил Сернин, – это тоже реальность...

– Что вы говорите? Что вы такое говорите? О, нет... нет...

прошу вас... разбудите меня, если я сплю... или лучше пусть я умру!.. Но я ведь мертв, не так ли? И это кошмар трупа... Ах, я чувствую, разум покидает меня... Прошу вас...

Сернин, наклонившись к нему, ласково пригладил рукой волосы молодого человека.

– Выслушай меня... выслушай хорошенько и пойми. Ты жив. Твое тело и твой мозг нормальны и живы. Но Жерар Бопре умер. Ты меня понимаешь, не так ли? Социального существа по имени Жерар Бопре больше нет. Ты его уничтожил. Завтра в записях гражданского состояния напротив того имени, которое ты носил, внесут пометку «умер» и дату твоей смерти.

– Ложь! – пробормотал молодой человек в ужасе. – Ложь! Ведь вот он я, я – Жерар Бопре!..

– Ты не Жерар Бопре, – заявил Сернин.

Он указал на открытую дверь:

– Жерар Бопре там, в соседней комнате. Хочешь на него посмотреть? Он висит на гвозде, там, куда ты его повесил. На столе лежит письмо, которым ты подписал свою смерть. Все это вполне законно, и все это окончательно. Не стоит больше возвращаться к этому обстоятельству, жестокому и

непоправимому: Жерара Бопре больше не существует!

Молодой человек потерянно слушал. Более спокойный теперь, когда факты приобретали менее трагический смысл, он начинал понимать.

– И что?

– А то, что давай поговорим...

– Да... да... поговорим...

– Сигарету? – спросил князь. – Ты согласен? А-а, я вижу, что ты возвращаешься к жизни. Тем лучше, мы договоримся, и быстро.

Он зажег сигарету молодого человека, потом свою и сразу же сухим тоном в нескольких словах объяснился:

– Покойный Жерар Бопре, ты устал от жизни, был болен, остался без денег, без надежды... Хочешь быть в добром здравии, богатым и сильным?

– Я не понимаю.

– Все очень просто. Случай поставил тебя на моем пути. Ты молодой, красивый парень, ты умен и – твой отчаянный поступок доказывает это! – отменно честен. Такие качества редко встречаются вместе. Я их уважаю... и зачисляю на свой счет.

– Они не продаются.

– Глупец! Кто говорит тебе о купле и продаже? Храни свою совесть. Это слишком драгоценное сокровище, чтобы я отбирал его у тебя.

– Тогда чего вы от меня требуете?

– Твою жизнь!

И, показав на горло молодого человека, продолжал:

– Твою жизнь! Твою жизнь, которой ты не сумел воспользоваться! Твою жизнь, которую ты загубил, потерял, уничтожил и которую я собираюсь создать заново, следуя идеалу красоты, величия и благородства, который вызвал бы у тебя головокружение, мой мальчик, если бы ты мог заглянуть в бездну, куда погружена моя тайная мысль...

И, обхватив руками голову Жерара, он продолжал с насмешливым пафосом:

– Ты свободен! Никаких пут! Тебе не надо больше сносить бремя твоего имени! Ты стер тот регистрационный номер, который общество запечатлело на тебе, подобно клейму раскаленным железом на плече. Ты свободен! В этом мире рабов, где каждый носит на себе этикетку, ты можешь либо передвигаться по всему миру, оставаясь неузнанным и невидимым, словно ты обладаешь кольцом Гигеса¹... либо выбрать себе ту этикетку, какая тебе нравится! Понимаешь? Понимаешь, какое великолепное сокровище ты представляешь собой для художника, творца, для тебя самого, если хочешь? Незапятнанная, совсем новая жизнь! Твоя жизнь – это воск, которому ты можешь придавать форму по своему усмотрению, согласно фантазиям твоего воображения или советам твоего разума.

¹ Согласно легенде, лидийский король Гигес (687–652 до н. э.) обладал кольцом, которое делало его невидимым.

Молодой человек устало махнул рукой.

– Э-э! И что мне, по-вашему, делать с этим сокровищем?

Что я до сих пор с ним сделал? Ничего.

– Отдай его мне.

– Что вы с ним сможете сделать?

– Все. Пусть ты не творец, но я таковым являюсь! К тому же творцом вдохновенным, неистощимым, неукротимым, безудержным. Если в тебе нет священного огня, у меня он есть! Там, где ты потерпел неудачу, я преуспею! Отдай мне твою жизнь.

– Слова. Обещания!.. – воскликнул молодой человек, лицо которого между тем оживилось. – Пустые мечтания! Я прекрасно знаю, чего стою!.. Я знаю свою трусость, уныние, свои бесплодные усилия, все свое убожество. Чтобы заново начать свою жизнь, мне понадобилась бы воля, которой у меня нет...

– Зато есть моя...

– Друзья...

– У тебя они будут!

– Средства...

– Я дам их тебе, да еще какие! Тебе нужно будет лишь черпать их, как из волшебного сундука.

– Но кто же вы в таком случае? – в растерянности воскликнул молодой человек.

– Для других – князь Сернин... Для тебя... не имеет значения! Я больше, чем князь, больше, чем король, больше,

чем император.

– Кто вы?.. Кто вы? – шептал Бопре.

– Властелин... тот, кто хочет и кто может... Тот, кто действует... Нет пределов моей воле, как и моим возможностям. Я богаче самого большого богача, поскольку его состояние принадлежит мне... Я могущественнее, чем самые сильные, поскольку их сила к моим услугам.

Он снова обхватил голову Бопре руками и, пронзая его взглядом, продолжал:

– Будь тоже богатым... будь сильным... Я предлагаю тебе счастье... сладость жизни... покой для твоего ума поэта... а также славу. Согласен?

– Да... да... – прошептал Жерар, ослепленный и покоренный. – Что надо делать?

– Ничего.

– И все-таки...

– Ничего, говорю тебе. Мои проекты связаны с тобой, но ты не в счет. Тебе не придется играть активной роли. Пока ты всего лишь статист... и того даже нет! Пешка, которую двигаю я.

– Что я буду делать?

– Ничего... Писать стихи! Ты будешь жить по своему усмотрению. У тебя будут деньги. Ты будешь наслаждаться жизнью. Я даже не стану следить за тобой. Повторяю тебе, ты не играешь никакой роли в моем начинании.

– А кем я буду?

Вытянув руку, Сернин показал на соседнюю комнату:

– Ты займешь место вот этого. *Ты – это он.*

Жерар вздрогнул от возмущения и отвращения.

– О нет! Он мертв... И потом... это преступление... Нет, я хочу новой жизни, созданной для меня, придуманной для меня... Хочу неизвестного имени...

– Он, говорю я тебе! – воскликнул Сернин, неотразимый в своей энергии и уверенности в себе. – Ты будешь им и никем другим! Потому что судьба его прекрасна, потому что его имя знаменито, и он оставляет тебе в наследство многовековое благородство и гордую славу.

– Это преступление, – простонал Бопре, совсем обессиленный.

– Ты будешь им, – изрек Сернин с неистовой силой, – им! Или снова станешь Бопре, а жизнь и смерть Бопре в моих руках. Выбирай.

Он достал свой револьвер, зарядил его и направил на молодого человека.

– Выбирай! – повторил он.

Выражение его лица было неумолимо. Жерар испугался и, рыдая, рухнул на кровать.

– Я хочу жить!

– Ты твердо этого хочешь, бесповоротно?

– Да, тысячу раз да! После той ужасной вещи, которую я попытался сделать, смерть ужасает меня... Что угодно, но только не смерть!.. Все, что угодно!.. Страдание... голод...

болезнь... все муки... все оскорбления... даже преступление, если нужно... только не смерть.

Он, как в лихорадке, дрожал от страха, словно враждебная сила все еще бродила вокруг него, а он чувствовал себя бессильным избежать хватки ее когтей.

Князь удвоил усилия и, стоя над ним, как над добычей, пылко произнес:

– Я не требую от тебя ничего невозможного, ничего плохого... Если что и случится, я за все в ответе... Нет никакого преступления... Самое большее – немного страдания... немного твоей крови, которая прольется. Но что это значит по сравнению с ужасом умереть?

– Страдание мне безразлично.

– Тогда немедленно! – воскликнул Сернин. – Немедленно! Десять секунд страдания, и все... Десять секунд, и жизнь другого будет принадлежать тебе...

Обхватив молодого человека и прижав его к стулу, он плашмя положил на стол его левую руку, растопырив пять пальцев. Торопливо вытащив из кармана нож, он приложил лезвие к мизинцу между первым и вторым суставами и приказал:

– Бей! Бей сам! Удар кулаком и все!

Схватив его правую руку, он пытался, как молотком, ударить ею другую.

Жерар скорчился, содрагаясь от ужаса. Он понял, чего от него требуют.

– Никогда! – пролепетал он. – Никогда!

– Бей! Один удар, и готово, один удар, и ты станешь похож на того человека, никто тебя не узнает.

– Его имя...

– Сначала бей...

– Ни за что! О, какая пытка... Прошу вас... позже...

– Сейчас... Я так хочу... Так надо...

– Нет... нет... я не хочу.

– Да бей же, дурачок, это богатство, слава, любовь.

Жерар в порыве поднял кулак...

– Любовь, – прошептал он, – да... ради этого – да...

– Ты полюбишь и будешь любим, – изрек Сернин. – Твоя невеста ждет тебя. Это я ее выбрал. Она невиннее самых невинных, красивее самых красивых. Но ее надо завоевать. Бей!

Рука напряглась для рокового удара, однако инстинкт оказался сильнее. Нечеловеческая энергия судорогой пробежала по телу молодого человека. Внезапно он разомкнул хватку Сернина и бросился прочь.

Как безумный, он устремился в другую комнату. Но при виде отвратительной картины у него вырвался вопль ужаса, и он вернулся, рухнув у стола на колени перед Серниным.

– Бей! – сказал тот, снова расправляя пять пальцев и располагая лезвие ножа.

Это произошло машинально. С блуждающим взглядом и мертвенно-бледным лицом молодой человек поднял свой ку-

лак и ударил. Это был жест автомата.

– Ах! – с болезненным стоном вымолвил он.

Отскочил маленький кусочек плоти. Полилась кровь. Он в третий раз потерял сознание.

Несколько секунд Сернин смотрел на него, потом тихонько произнес:

– Бедный мальчик!.. Я воздам тебе за это и стократно. Я всегда плачу по-королевски.

Он спустился вниз к доктору:

– Все готово. Теперь твоя очередь... Поднимись и сделай ему надрез на правой щеке, как у Пьера Ледюка. Надо, чтобы шрамы были одинаковыми. Через час я приду за ним.

– Куда вы идете?

– Перевести дух. Меня тошнит.

На улице он глубоко вздохнул, потом закурил сигарету.

– Хороший день, – прошептал он. – Немного перегруженный, слегка утомительный, но успешный, действительно успешный. Теперь я друг Долорес Кессельбах. Я друг Женевьевы. Я изготовил себе нового Пьера Ледюка, весьма приличного и безгранично мне преданного. И, наконец, я нашел для Женевьевы жениха, какого так просто не сыщешь. Теперь моя задача выполнена. Мне остается лишь пожинать плоды моих усилий. Ваша очередь поработать, господин Ленорман. Что касается меня, то я готов.

И еще он добавил, подумав о несчастном искалеченном, которого ослепил своими обещаниями:

– Вот только... есть одно «но»... Я понятия не имею, кем был этот Пьер Ледюк, место которого я так щедро пожаловал славному молодому человеку. И это досадно... Ибо, в конце-то концов, нет никаких доказательств тому, что Пьер Ледюк не был сыном какого-нибудь колбасника.

Господин Ленорман за работой

I

Утром 31 мая все газеты напоминали о том, что в письме Люпена, направленном господину Ленорману, на эту дату назначено бегство секретаря Жерома.

И одна из газет вполне резонно подводила итоги сложившейся на тот момент ситуации:

«Страшная резня в «Палас-отеле» произошла 17 апреля. Что с тех пор выяснилось? Ничего.

Имелись три улики: портсигар, буквы Л и М, сверток с одеждой, оставленный в администрации отеля. Какую пользу из этого извлекли? Никакой.

Подозревают, кажется, одного из приезжих, проживавших на втором этаже, его исчезновение вызывает вопросы. Удалось ли его найти? Установлена ли его личность? Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.